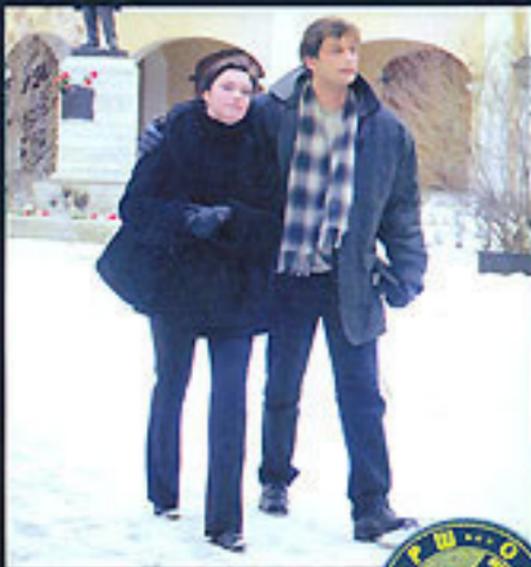

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Возьми удар
на себя*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Возьми удар на себя

Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169303
Возьми удар на себя: Эксмо, Олимп; Москва; 2007
ISBN 5-17-041373-4, 5-7390-2011-5*

Аннотация

В частной художественной галерее во время банкета, завершавшего открытие очередной экспозиции, отравлен малоизвестный бизнесмен Сергей Кожевников. Казалось бы, рядовое убийство. Почему же тогда оно попадает на расследование в Генеральную прокуратуру к Александру Турецкому?..

Даже зная ответ, знаменитый «важняк» и его команда оказываются перед целым узлом загадок, где тесно переплелись судьбы далеких друг от друга людей. Удастся ли им распутать его на этот раз?

Содержание

Пролог	4
Светский раут	15
Крутой поворот	33
Дама нетрадиционной ориентации	49
Мышеловка и сыр	67
Интервью со звездой	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Пролог

– Всем встать, суд идет!

Зальчик Электродольского городского суда был маленьким и душным, на предыдущем заседании матери стало плохо, и теперь Михаил с тревогой глянул в белое, словно бумага, лицо матери, помогая ей подняться из тесного и жесткого кресла. Он почти не почувствовал, с какой силой вцепились пальцы сестры в его вторую руку. Не услышал ее тихого, сквозь сжатые до боли зубы, стоны, вырвавшегося в тот момент, когда чтение приговора подошло к концу.

У Михаила и у самого едва хватило сил выслушать лишнее интонаций бормотание пожилого судьи, в сознании застревали лишь отдельные фразы: «По совокупности статей сто восемьдесят три, части первая, вторая... двести девяностая, часть третья УК РФ...» И, наконец, главное: «Восемь лет лишения свободы...» И сразу вслед за этим – отчаянный крик Кати: «Нет!..» Гул в зальчике. Жалкое, осунувшееся лицо отца, с трудом выпрямившегося возле скамьи подсудимых, отделенной от зала недавно выкрашенными дурацкой зеленой краской прутьями решетки.

«Это конец, – мелькнуло у него в голове, – папа не выдержит... И мама, и Катя... Конец!..»

– Это конец... – эхом его собственных мыслей отозвалась сестра. – Папа не выдержит, он погибнет... Папа!..

Удержаться ее он не успел. Метнувшись к отцу, она мертвой хваткой вцепилась в прутья, сквозь которые тот обнял ее, не обращая внимания на растерявшегося, замешкавшегося на минуту охранника. Михаил видел, как его губы коснулись Катиного уха. Охранник наконец спохватился и положил здоровенную лапищу на плечо Ивана Ильича Пояркова – в недавнем прошлом ближайшего помощника мэра, человека, имя которого знал весь их немаленький город. Ныне – осужденного за взятку в особо крупных размерах, полученную им как лицом, занимавшим государственную должность. Для него это действительно был конец.

Теплый августовский день клонился к закату, когда Поярковы покинули наконец здание суда. Адвокат отца, Валерий Кириллович Хватан, догнал их уже возле машины.

– Анна Константиновна!

Михаил автоматически взял мать под руку, хотя сегодня она держалась молодцом – в отличие от Кати, бредущей, словно сомнамбула, с окаменевшим лицом. Все трое остановились, ожидая спешившего к ним Хватана.

– Апелляционная жалоба у меня уже готова. – Адвокат слегка запыхался, нагнав их. – Мы еще поборемся, не отчаивайтесь. Ни секунды не сомневаюсь, что это подстава! Екатерина Ивановна, что вам сказал Иван Ильич?

Михаил с тревогой посмотрел на сестру: отцовская любимица, как-то она переживет весь этот кошмар? Ей ведь едва исполнилось семнадцать. Ему и самому было всего на два

года больше, но за последние месяцы он, казалось, повзрослел на добрый десяток лет.

На вопрос адвоката Катя не ответила. С видимым усилием разжав спекшиеся, словно от высокой температуры, губы, задала свой – медленно выговаривая слова. Возвращение к реальности давалось девушке с трудом:

– Где... эта... сволочь? – И, перехватив недоуменный взгляд адвоката, тяжело сглотнула, затем пояснила: – Этот проклятый трус, заявившийся с повинной? Где он?! Это он... он во всем виноват! Почему его не судили?!

– Вы имеете в виду бизнесмена? – Адвокат сочувственно посмотрел на Катю. – Он уехал сразу после дачи показаний на первом заседании, к себе в Москву... По статье двести четвертой, если человек сам является с повинной, он от уголовной ответственности за коммерческий подкуп освобождается, проходит как свидетель.

В Катиных огромных – отцовских – глазах полыхнул темный огонь:

– Ах вот как? Ну это мы еще посмотрим! – Она повернулась к брату и матери, вырвала у Михаила свою руку. – От меня этот гад не уйдет! Клянусь, я отыщу его, найду и... Я убью его!

– Катька, что ты несешь? – Анна Константиновна горько улыбнулась и покачала головой. – Дурочка... Маленькая моя дурочка!

За порогом здания городского суда Вику встретил ветер, дувший прямо в лицо, почти ледяной, несмотря на середину мая. Впрочем, ветер в их городе дул всегда и всегда казался ледяным, даже в разгар лета. Недаром же их город когда-то назывался Симбирск, что в переводе, кажется, с чувашского означает «семь ветров»... Где Оля?! Вика в отчаянье огляделась: как она могла ее упустить?

Суд проходил в закрытом режиме, тем не менее народу в день вынесения приговора набралось достаточно, чтобы отеснить ее от подруги, в какой-то момент исчезнувшей из поля зрения, словно растворившейся в воздухе. Вика еще раз оглядела полупустую площадь и, немного поколебавшись, бросилась в сторону Венца, мысленно моля Бога, чтобы не ошибиться: в тяжелые минуты своей жизни Оля всегда уходила к Волге, на Венец – старую, но благоустроенную набережную. Вид мощно несущей свои воды реки, достигавшей в этом месте почти четырехкилометровой ширины, действовал на нее успокаивающе. «Только бы не случилось самое страшное, – молила Вика. – Господи, если Ты есть, сохрани Олечкиного младенца!.. Господи, если Ты...»

И в этот момент она ее увидела: до Венца Оля не дошла. Она сидела на скамейке в конце площади, на самом солнцепеке, неловко согнувшись пополам, лица подруги Вика не видела.

– Лялька! – Она бросилась к ней бегом, уже понимая, что случилось непоправимое. – Что с тобой? Что? Господи, я

сейчас...

Вика трясущимися руками нашарила в своей сумке мобильный телефон, с трудом попала на нужные кнопки.

Потом они ждали «неотложку», казалось, целую вечность, крепко обнявшись, на жесткой и, кажется, грязной скамье. Ольга молчала, Вика говорила и говорила – не останавливаясь, словно в этом и было спасение:

– Лялочка, милая, солнце мое, держись, ты должна держаться! Вы с Сашкой еще молодые, всего пять лет, а еще и выпустят раньше, вот увидишь... Олечка, держись...

«Неотложка» наконец приехала и долго – слишком долго! – везла их в больницу – куда-то в Засвияжье. Потом Вика еще целую вечность сидела в унылой, лишенной окон приемной, выкрашенной отвратительной желтой краской. Потом, когда все было кончено, ее все-таки пустили к Оле в палату, и она едва узнала лицо подруги: бледное до синевы, с большими темными глазами, в которых плескалось одно только отчаяние и... и ненависть. Ольга заговорила первая.

– Это был мальчик, – сказала она.

Вика не выдержала, заплакала, стараясь не глядеть в изможденное лицо подруги, которое никак не могло принадлежать взрослой двадцатисемилетней женщине: горе не состарило ее, а словно наоборот, превратило в ту семнадцатилетнюю девчонку, какой она была, когда девушки подружились. И отчего-то это оказалось еще страшнее.

– Не плачь, – жалобно попросила Ольга.

– Я не плачу, – пробормотала Вика, поспешно вытирая лицо ладонью. – И ты не плачь... Сашке всего тридцать пять, он выйдет, и вы сможете все начать сначала! И детей еще целую кучу нарожаете!

– Да... – каким-то странным тоном ответила Оля. И Вика насторожилась.

– Лялька!

– Это все из-за него... – перебила она подругу. И сосредоточенно сдвинула тонкие брови.

– Ты... о чем?

– Об этом трусливом подонке, сдавшем Сашу... Никогда не прощу!

Вика вздохнула и нежно взяла подругу за почти прозрачную тонкую руку, лежащую поверх серого больничного одеяла:

– Выкинь его из головы, Лялечка... В наше время каждый дрожит за свою шкуру...

– Выкинуть? Ни за что!.. – Она внезапно резко села на постели. – Я... Я найду его и отомщу! Отомщу и за Сашу, и за мальчика...

Вика тихо ахнула: она знала, что Оля склонна к таким резким перепадам настроения, знала, как именно надо себя с ней вести во время таких вспышек: прежде всего – разумно, логично.

– Успокойся, милая... Во-первых, ты его не найдешь, адвокат же говорил, что он уехал еще неделю назад, после пер-

вого заседания... Во-вторых, даже если найдешь, а это вряд ли, поскольку Москва большая... Ну что ты, такая маленькая и тоненькая, ему сделаешь? Кроме того, адвокат готовит апелляцию, и, скорее всего, ее удовлетворят: все-таки Саша работал в администрации пять лет, без единого замечания... Подумаешь, взятка! Кто их в наше время не берет?... Тем более и сумма-то, если подумать, плевая...

– Зимушкина? – Дверь в палату распахнулась, на пороге стояла медсестра с подносиком, на котором лежал шприц, наполненный каким-то лекарством. – Сейчас уколемся – и под капельницу... Девушка, освободите палату, завтра придете, после шестнадцати!

Вика поднялась и еще раз пристально взгляделась в лицо подруги: Олины губы по-прежнему были сжаты в знакомую ей упрямую линию, но нехороший огонек в глубине зрачков погас... Завтра. Она придет к ней завтра не «после шестнадцати», а прямо с утра, заберет Ляльку под расписку и ответит к себе.

Оставлять ее одну в их с Сашей огромной квартире пока нельзя, ее вообще пока нельзя оставлять одну. А никакой родни в Ульяновске у Ольги нет. Есть, кажется, тетка где-то в Москве, да и та – седьмая вода на киселе... Да, пока, даже если она начнет протестовать, жить Оле придется у нее, Вики.

– ...Определить гражданину Елагину Василию Григорье-

вичу следующую меру наказания...

Слова, которые произносила судья – сухощавая женщина, чем-то похожая на акулу, почти не видная под просторной мантией, смотревшейся на ней нелепо, как маскарадный наряд, доходили до Пашкиного сознания сквозь какой-то ватный туман. Этого не могло быть, просто потому что не могло быть вообще.

Василий – старший брат, гордость родителей, умница, сделавший блестящую карьеру в префектуре и не собиравшийся ни секунды останавливаться на достигнутом, намеревавшийся в следующем, две тысячи пятом году баллотироваться в городскую думу... Этого не могло быть! Особенно не могло потому, что во всем виноват он, Пашка!.. Если бы мать знала об этом...

Павел покосился на нее – заплаканную, с резко постаревшим, без косметики лицом. Как же трудно было теперь угадать в этой пожилой, убитой горем женщине ту веселую, всегда оживленную светскую даму, знал которую весь Саргов!.. Он вдруг понял, что мать может и не пережить этого позорного для семьи крушения... И все из-за него, из-за него, дурака, из-за его проклятой, неизлечимой страсти... Разве бы Василий пошел на ТАКОЕ, если бы он, Пашка, любимый вопреки всему младший братец – проклятый идиот, бездарь, охламон, – не попал на ТАКИЕ деньги... Все, все из-за него!..

Судья все говорила и говорила, мать все бледнела и блед-

нела, а в Пашиных ушах все звучал и звучал голос Василия в тот роковой день, когда он, трясясь от страха и безысходности, едва ли не валялся у брата в ногах, наверное, в сотый раз клянясь, что, если все обойдется, к проклятому казино и близко больше не подойдет...

– Встань, – Василий смотрел на него без отвращения, просто устало. – Ты хоть понимаешь, что такой суммы у меня нет и быть не может? Мы же только-только расплатились за дачу... Да прекрати ты выть!.. Хватит, я что-нибудь придумаю... Занять можно, хотя мы с Людмилой и так в долгах из-за этого особняка... Ладно, будем думать!

А потом, как выяснилось во время следствия, ему и думать не пришлось: случай найти деньги, да еще сумму, вдвое превышающую Пашкин проигрыш, из-за которого его поставил «на счетчик» хозяин казино, повязанный с бандой, державшей в страхе половину Саргова, сам пришел в руки... Ах, Васька-Васька, наверное, впервые в жизни польстившийся на дармовые баксы... И все – из-за него, непутевого младшего братца...

Чтение приговора завершилось, пошатнулась и не села – упала на жесткую скамью мать.

– Мам... – У него получился какой-то писк, словно двадцатипятилетний Павел вдруг снова сделался пятилетним мальчишкой, диковатым и капризным, постоянно жавшимся к матери. – Мам, ты...

– Паша... – Ирина Васильевна едва шевельнула побелев-

шими губами. – Василия подставили... Найди... найди этого поганца... Пусть сознается... Адвокат говорит, это возможно, он должен сознаться, что все сделал нарочно... Найди!.. Мы заплатим, я все продам... все!.. Заплатим...

– Мам, ты о чем?.. Мам, тебе плохо?.. Мам!..

Спустя четыре с половиной часа, после того, как мать забрала «скорая» прямо из зала судебных заседаний, Павел Григорьевич Елагин вышел из кардиологического отделения Первой городской больницы впервые в жизни совершенно одиноким человеком. Очередную развеселую подружку Верочку можно было не учитывать, несмотря на то что все это время она прождала его в холодном, продуваемом сквозняками нижнем холле кардиологии. А теперь, услышав традиционное врачебное «Мы сделали все, что могли, но...» искренне хлюпала носом где-то рядом, хотя мать ее и вовсе не знала.

Павел Григорьевич Елагин вышел из больничного здания другим человеком. На Верочку он не обратил никакого внимания. Достав мобильный телефон и записную книжку матери, которую ему отдали вместе с ее сумочкой еще днем, когда она была жива, он открыл ее на букве «А», нашел нужный номер Васиного адвоката и набрал его.

Было одиннадцать часов вечера. Холодного, зимнего вечера, безветренного, но морозного.

– Здравствуйте, – сказал Павел, дождавшись, когда возьмут трубку по ту сторону связи. – Вас беспокоит Елагин...

Да, младший... Нет, я не в связи с апелляционной жалобой. Мне нужно срочно с вами встретиться и поговорить! Я знаю, что сейчас уже одиннадцать вечера... У меня только что умерла мать!..

Адвокатский баритон в трубке булькнул и затих. Павел даже подумал, что прервалась связь и сказал: «Алло?»

– Господи... – пробормотал адвокат. – Подъезжайте прямо ко мне домой... Какое горе... Примите мои соболезнования, – спохватился он в самом конце. И назвал адрес.

– Я приеду, – сказал Павел. – Буду максимум через полчаса...

Светский раут

– Ну вот, а ты боялся!

Лена рассмеялась и, отступив на шаг от мужа, с удовлетворением оглядела его с ног до головы.

– Отлично выглядишь, и, пока я жива, твой галстук всегда будет завязан, как положено.

Сергей Павлович Кожевников невольно улыбнулся в ответ и придиричиво покосился на себя в зеркало. Следовало признать, что новый костюм действительно сидел на нем неплохо, но он в принципе не любил новые вещи. Особенно если впервые надевать их приходилось на мероприятие из разряда сегодняшних: большая часть гостей на предполагавшемся банкете будет ему наверняка незнакома, а сама хозяйка этого, с позволения сказать, приема...

– Сереж, – снова заговорила Лена, – ну скажи мне, ради бога, за что ты так не любишь Люду? Ну не из-за того же, что она...

– И из-за этого тоже, – поморщился Кожевников, автоматически касаясь рукой только что завязанного Леной галстука, узел которого ему зверски хотелось расслабить.

– Ой, не трогай! – тут же всполошилась она. – И вообще, ты же вроде бы человек без предрассудков? А Людку просто на дух не переносишь...

– Я действительно человек без предрассудков, – усмех-

нулся Сергей. – Однако предпочел бы, чтоб моя собственная жена держалась от таких, как Голдина, подальше!

Елена нахмурилась и покачала головой:

– Я дружу с ней со второго класса, и тебе это прекрасно известно. Так же, как и то, что к ее... особенностям я никакого отношения не имею!

– Ленка, давай прекратим этот бессмысленный разговор, тем более что я и так знаю все, что ты скажешь дальше, включая твою благодарность Голдиной за то, что помогла тебе выбрать профессию и даже поступить в институт... Да такому папочке, как у твоей Людмилы, нажать на приемную комиссию хоть в Москве, хоть в Гарварде, вообще ничего не стоило! Все, дискуссия закрыта. Тем более что твоя любимая подруга, со своей стороны, меня тоже, мягко говоря, недолюбливает! Что скажешь?

– Ничего, – вздохнула Лена. – Ну нам пора выходить. Как я выгляжу?

Сергей с удовольствием оглядел Елену и улыбнулся:

– Ты у меня – красавица, а уж в этом наряде...

Жена Кожевникова и впрямь была красива: густые темно-русые локоны, собранные в нарочито-небрежную высокую прическу, обрамляли слегка скуластое личико с большими зеленовато-кариими глазами и вздернутым носиком, в котором было что-то от шаловливого котенка: помнится, мысль насчет котенка пришла Сергею еще семь лет назад, когда он увидел свою будущую супругу впервые.

Конечно, мысль о женитьбе ему тогда и в голову не пришла, да и не могла прийти: Кожевников за месяц до их встречи с Леной пережил развод с Альбиной, оставивший у него в душе, как он тогда полагал, неизгладимый осадок. И когда все наконец осталось позади, дал сам себе «страшную клятву» оставаться впредь холостяком. Желательно навсегда. Он вообще в тот послеразводный период по-настоящему оценил и полюбил одиночество. Не случись этого – он бы и с Леной, возможно, не познакомился никогда: его круг общения никак не пересекался с ее окружением, да и не мог пересечься.

Однажды, жарким июльским днем, Кожевников просто-напросто поехал отдохнуть за город, подальше от плавившегося под солнцем столичного асфальта: было у него свое собственное любимое местечко, куда изредка ездил с друзьями на шашлычки, чуть в стороне от Рижского шоссе. Чудом не обнаруженное, а следовательно, не засиженное москвичами крошечное озерцо, окруженное негустым лесочком, с полузаброшенной деревней на одном из берегов.

Кожевникова интересовал, разумеется, противоположный берег, представлявший собой поляну, обрывавшуюся крутым, но невысоким спуском к воде.

Пристроив машину в упомянутой деревеньке, названия которой он не знал и по сей день, Сергей, прихватив спортивную сумку с бутербродами, бутылкой хорошего полусухого вина и томиком Солженицына, который все никак не мог прочесть из-за занятости и Альбининых истерик, остав-

шихся теперь, слава богу, в прошлом, он пешком направился в обход озера на противоположный берег, предвкушая чудесный день, преисполненный вождеденного спокойствия и лени.

Он уже почти дошел по знакомой узкой тропинке до своей поляны, как вдруг невольно замер, словно споткнувшись о невидимое препятствие: до ушей Кожевникова донесся тоненький женский голосок, напевавший какую-то мелодийку... «Вот дьявол!..» – Он разочарованно нахмурился, постоял еще немного и решительно раздвинул кусты, из-за которых слышалось пение. За кустами, насколько он помнил, была еще одна полянка. Так и есть! А вот и сама «певица»: спиной к нему стояла худенькая светловолосая девчонка в одном лифчике и джинсах. Перед ней – мольберт с какой-то мазней. Рядом валялся потрепанный рюкзачок, какие-то разноцветные тряпки и, кажется, кисти.

Сергей переступил с ноги на ногу, девчонка, услышав треск попавшей под его кроссовки ветки, ойкнула и, подпрыгнув, круто развернулась: на Кожевникова уставились два огромных испуганных глаза, как ему тогда показалось, невероятного темно-зеленого цвета... Не женщина – на смерть перепуганный котенок...

– Извините, – пробормотал он, обнаружив, что внезапно осип. – Я не хотел вас пугать... Я случайно, извините...

Незнакомка ничего не ответила, продолжая молча глазеть на Кожевникова. Потом, сообразив, что стоит перед ним в

одном, да еще и полупрозрачном, лифчике, ойкнула и, выхватив из кучи тряпья футболку, поспешно прикрылась ею.

Сергей смущенно отвел глаза и довольно глупо спросил:

– Вы... художница? – Ничего иного ему в голову не пришло. Но она неожиданно замотала головой и наконец-то открыла рот:

– Нет-нет, я не художница... Я это так, для себя...

...Сергей Павлович Кожевников усмехнулся, как усмехался всегда, вспоминая свое знакомство с Леной, и только тут сообразил, что жена давно уже зовет его, и, кажется, сердито, из небольшого холла, в который они превратили прихожую и одну из комнат, когда перестраивали два года назад свою квартиру.

– Сережка, ты что, уснул? – Елена действительно сердилась. – Мы теперь точно опоздаем!

– Не опоздаем. Ленок, скажи, только честно: ты меня еще любишь?

Она удивленно глянула на него:

– Что это вдруг на тебя нашло? Конечно, люблю!

– Просто я сейчас вспомнил, как мы с тобой познакомились. Все-таки семь лет прошло, могла и разлюбить за такой-то срок... Моей первой супруги, как ты знаешь, и на год не хватило!

Елена глянула на мужа исподлобья и покачала головой:

– Ты когда-нибудь перестанешь нас сравнивать?

– Я и не думал вас никогда сравнивать. – Кожевников от-

крыл входную дверь, попутно включив сигнализацию, и пропустил жену вперед. – А вспомнил потому, что на днях случайно столкнулся с Альбиной, прямо на улице...

– Вот как? – В голосе Лены явственно прозвучал холодок, но Сергей, запиравший в этот момент двери снаружи, его не заметил. – Ты мне об этом не говорил.

– А-а-а... Забыл, значит. Да мы и перекинулись-то всего парой слов! Вообрази – она о нас все знает, как тебе?

– Что – все?

– Что ты – искусствовед и вообще красавица! – Он улыбнулся и нажал кнопку лифта. – Ленка, не ревнуй!

– Я не...

– Ревнуешь-ревнуешь!

– Что еще она о нас знает?

– Что у меня небольшая фирма.

– Это... все?

– Слава богу, все! – Он серьезно посмотрел в глаза жены. Она ответила ему таким же серьезным взглядом.

Хозяйка галереи «Прима» Людмила Голдина задумчиво курила возле окна своего кабинета, наблюдая за прибывающими на открытие выставки гостями.

Людмила была высокой, ужасающе худой, некрасивой и умной женщиной, раз и навсегда замершей в возрасте «вероятно, около тридцати». Сколько ей было лет на самом деле, в модной и замкнутой тусовке живописцев, которую Людмила

создала вокруг себя лет десять назад, не знал никто. Включая бесценную помощницу и секретаршу Голдиной, ее тезку Люсеньку. Стиль, которого придерживалась хозяйка «Примы», не позволял разгадать эту тайну: Людмила всем туалетам на свете предпочитала длинные юбки до пола из материала, напоминавшего мешковину, такие же жилетки и всевозможные блузки из натурального шелка сложных фасонов. Ко всему этому прилагалось немислимое количество украшений и фенечек, включая длинные, почти до плеч, серьги ручной работы и разнокалиберные бусы и мониста, под которыми едва обозначалась и без того маленькая грудь Голдиной.

Прическу – если можно назвать прической распущенные до самого пояса темные густые волосы, почти всегда требующие мытья, она не меняла никогда.

Среди своих клиентов и гостей Людмила слыла не только умной женщиной, но и обладательницей прекрасного вкуса, блестяще разбирающейся в живописи: в «Приме» никогда не выставлялось ничего традиционного. Тусующиеся вокруг Голдиной художники и их спутницы были бы, вероятно, потрясены, доведись хотя бы одному из них побывать дома у хозяйки галереи... Стены ее личной квартиры, очень дорого отделанной, украшало всего три полотна: не отмеченный ни в одном из каталогов этюд Врубеля и два бесценных портрета Рокотова... Но к себе никого из гостей и клиентов «Примы» Голдина не приглашала. Это относилось в том числе и

к Люсенке, преданной своей хозяйке душой и телом.

Сама галерея, приобретенная Людмилой восемь лет назад, располагалась на втором этаже старинного особняка, который она отремонтировала и приспособила к своим нуждам. И за последнее десятилетие это был единственный случай в ее жизни, когда пришлось воспользоваться связями отца, человека властного и богатого: уж очень приглянулся Голдиной этот предназначенный в тот момент на снос домик, затерянный во дворах центра. На то, чтобы заполучить не особняк даже, а место, на котором он стоял, собственных связей Людмилы не хватало.

Но теперь все это было позади, небольшая, ставшая со временем престижной частная галерея приносила хозяйке стабильный доход. Просторный, отданный под экспозиции зал на втором этаже одной из двух торцевых стен – той, что располагалась рядом с лестницей, – упирался в две двери. Одна вела в кабинет хозяйки, вторая – в небольшой зал для банкетов – неизбежных спутников проходивших здесь выставок. На нижнем этаже Людмила отделала еще два помещения, которые сдавала под офисы.

Голдина оторвалась наконец от своих наблюдений за съезжающимися гостями и, небрежно ткнув сигарету в стоявшую на подоконнике пепельницу, негромко поинтересовалась у замершей за ее спиной в почтительном ожидании Люсенки:

– Что там с банкетом?

– Все в порядке, девочки уже начали накрывать. Я им ска-

зала, что ориентировочно на девять часов... Мальчики напитки уже сгрузили.

Девочками Люся называла официанток, присланных из соседнего ресторана, услугами которого Голдина пользовалась уже много лет. Мальчиками – двоих из постоянных охранников, работавших в галерее, в обязанности которых входила посильная помощь в организации банкетов для особо приближенных гостей. Еще двое находились внизу, на входе, и в экспозиционном зале.

Людмила Голдина затушила очередную, едва раскуренную сигарету и решительно направилась к двери: главные для нее гости, на которых хозяйка рассчитывала как на покупателей, только что прибыли один за другим. Семен Семенович Лабанин, известный в столице старик коллекционер, приехал вместе с одним из бизнесменов, Валентином Сумко, и его нынешней подругой – тощей длинноногой девицей с крохотным личиком и большими телячьими глазами, имени которой хозяйка «Примы» не помнила.

«Опель» второго потенциального покупателя – начинающего коллекционера и опытного предпринимателя Карякина – подкатил следом за лабанинской «субару». Женщину, прибывшую с его владельцем, Людмила видела впервые и привычно оценила новую пассию Жоры на ходу: весьма яркая, но явно крашенная блондинка с капризным выражением на перегруженном косметикой личике и с шикарной фигурой. Издали Голдиной показалось, что дамочке как мини-

мум тридцать. Если иметь в виду вкусы Карякина, предпочитавшего, как помнила Людмила, исключительно нимфеток, это было что-то новенькое... Впрочем, какое ей дело? Приятельницы ее клиентов менялись со скоростью узоров в калейдоскопе. Супруги – те и вовсе существовали где-то в другом, не пересекавшемся с голдинским мире...

Конечно, если не считать Елену с ее сумеречным Кожевниковым. Кстати, где они? Опаздывают, как обычно.

Людмила на мгновение задержалась на пороге экспозиционного зала и слегка нахмурилась: ее цепкий взгляд моментально выхватил из увеличивающейся на глазах толпы гостей троих, совещающихся о чем-то возле одной из картин: старика Лабанина и обоих авторов выставки, молодых художников Игоря Кима и Евгения Расина. Чуть поодаль с недобрым видом переминались их подружки – две ничем, с ее точки зрения, не примечательные девчонки. А ведь просила парней ни в какие переговоры с потенциальными покупателями в ее отсутствие не вступать! Гениям, однако, каковыми оба себя числят, с их точки зрения, можно все!

Через минуту Голдина была уже рядом с «переговорщиками»: в том, что разговор у них именно деловой, она не сомневалась, поскольку чуяла такие вещи нюхом.

– Ну что, Семен Семенович, нравится? – Людмила еле заметно улыбнулась тонкими сухими губами и незаметно отеснила от старика стоявшего с ним рядом, тут же вспыхнувшего Расина. Картина, перед которой они столпились, была

как раз его. Из двоих художников Евгений казался Голдиной куда более талантливым, его полотна явно составляли ядро экспозиции.

– Недурно-недурно... – пробормотал Лабанин и тяжело вздохнул.

– Что ж, у нас будет время поговорить об этом на банкете... Мальчики, идите к гостям. – Она холодно глянула на Расина. – Да и подружки ваши что-то заскучали! Давайте-давайте, работайте, времени на осмотр ровно два часа...

И убедившись, что авторы приступили к своим обязанностям, Людмила, кивнув старику, направилась к входившим в этот момент в зал Кожевниковым:

– Как всегда! – Она ласково обняла подругу, едва кивнув Сергею. – Надеюсь, на банкет останетесь?..

– Конечно! – Лена, рассеянно чмокнув Голдину в щеку, жадно окинула взглядом зал. – Как обычно – юные гении?

– А то!.. Сама увидишь. Что с вами, Сережа? – Голдина слегка вздрогнула, поскольку в этот момент супруг Елены неожиданно чертыхнулся. Глянув на него, Людмила проследила за взглядом Кожевникова, направленным куда-то за ее спину, и обнаружила, что столь необычную для в общем-то сдержанного мужа подруги реакцию вызвала у него та самая обладательница роскошной фигуры, которую привез с собой Жора Карякин. – В чем дело?

– Да так, ни в чем... – буркнул Сергей и виновато покопился на жену.

Лена тоже обнаружила, на кого именно смотрит ее супруг, и улыбка тут же сползла с ее губ.

– Здорово... – процедила она. – Только этого нам и не хватило!

– Вы можете внятно объяснить мне, в чем дело? – тихо, но твердо спросила Голдина.

– Я могу, – сверкнула глазами Лена. – Видишь вон ту крашеную блондинку с титьками восьмого размера?.. Не знаю, кто ее сюда приволок, но это – моя предшественница, Сережкина женушка номер один, госпожа Крутицкая Альбина – как ее там!

Голдина невольно поморщилась и покачала головой:

– Дамочку приволок сюда Жора Карякин, лично я ее вижу впервые.

– Жорик же всегда предпочитал молоденьких! – Лена повернулась к мужу, сдвинув тонкие бровки. – Сергей, ты что, говорил этой... что мы будем сегодня здесь, на выставке?..

– Ленка, успокойся, – вздохнул Кожевников. – Ничего я ей такого не говорил. Это она говорила, что вроде бы у ее приятеля и у тебя есть общая знакомая, называла Люду... Если тебе так неприятно ее присутствие, давай уедем!

– Еще чего! Коли ей это интересно, пусть хоть весь вечер на нас лобуется, плевать я, в сущности, хотела... Другой вопрос, что ей от тебя явно что-то надо. Или... правда случайность?..

Елена вопросительно посмотрела на Людмилу.

– Дорогая, откуда же мне знать? – Голдина недовольно пожала плечами: она терпеть не могла двусмысленные ситуации. – Говорю же, вижу ее впервые в жизни, что касается Жорика, он всех своих баб за собой таскает, пока очередная ему не надоест. Думаю, действительно случайность... К сожалению, мне надо идти, пообщаться с остальными.

– Иди, конечно... Черт с ней, прорвемся. – Но на мужа Лена при этом взглянула так, что и слепому стало бы ясно: после завершения данного светского мероприятия его ждет разговор с женой, да такой, что мало Кожевникову явно не покажется!

Елена Николаевна была своему супругу прекрасной женой, верной, преданной и любящей. Во всем, кроме одного: ревности. Умом Лена понимала, что никаких оснований ревновать Сергея, тем более к прошлому, у нее нет и никогда не было. Но поделаться с собой ничего не могла. Что же касается Альбины – тут и вовсе тяжелый случай. Ей все время казалось, что Кожевников сравнивает их – своих двух жен... И пусть как человек Елена могла дать глупой Альбине сто очков вперед, зато по части сексуальности та ее явно опережала. Одна только мысль об этом приводила Лену, видевшую до сих пор свою предшественницу всего один раз, да и то много лет назад, в ярость. А теперь эта актриска погорелого театра будет вертеться у нее перед глазами целый вечер! Но не уезжать же, в самом деле, домой, оставив поле боя за противником? Нет уж, дудки!

– Ленка, ты сумасшедшая! – Муж коснулся ее уха губами и приобнял за плечи. С тем, что она почти патологически ревнива, Сергей давно смирился, но сейчас он действительно почему-то чувствовал себя виноватым. Возможно потому, что, прощаясь с ним после случайной встречи тогда на улице, Альбина проронила что-то насчет того, как глупо было с ее стороны развестись с ним и как она теперь об этом жалеет. А он, вместо того чтобы вовсе пропустить слова бывшей супруги мимо ушей, пробормотал, что теперь уже ничего не поделаешь, слишком много лет прошло. Не потому, что сожалел о разводе с ней, а потому, что вид у Альбины был какой-то жалкий...

– Поговорим об этом дома, – улыбнулась, явно на публику, Лена. Но глаза у нее при этом не улыбались, а стали, напротив, злыми и, как обычно в таких ситуациях, ярко-зелеными.

– Не злись, – Сергей усмехнулся уже вполне искренне. – Хотя ладно, злись, поскольку тебе это идет!

Спустя два с половиной часа (разумеется, рассчитать время точно на таких мероприятиях просто невозможно!) Людмила Голдина, стоя среди приглашенных на банкет гостей, с удовольствием потягивала свой первый за этот напряженный вечер коктейль. Люсенька, исполнявшая обязанности барменши, отлично знала вкус хозяйки и смешала его именно так, как та любила.

Людмила Голдина мысленно подвела итог и сочла себя вполне удовлетворенной: с ходу «прошли» три картины Жени Расина, причем одну из них приобрел сам Лабанин, весьма осторожный и, несомненно, знавший, что он делает, никогда не ошибавшийся старик. Это означало, что завтра об этом узнает вся заинтересованная столица и новые клиенты хлынут на Евгения рекой. Контролировать процесс будет, безусловно, хозяйка галереи. Киму, можно сказать, тоже повезло: Валентину Сумко приглянулись две его акварели – действительно неплохие. Жора сказал, что еще подумает, а это значит, что и он не останется в стороне, хотя, по своему обыкновению, и осторожничает. «Только думай не слишком долго, – усмехнувшись, посоветовала ему Людмила, – а то покупать будет нечего!»

Очевидно, ее слова и правда заставили Карякина призадуматься: он и сейчас стоял в стороне от остальных, с озабоченным видом нахмурив лоб и начисто позабыв про свою спутницу... Надо же, эта крашенная кукла оказалась первой супругой Кожевникова! Хотелось бы знать, на что он тут позарился! Неужели действительно на титьки энного размера? Хотя это – явный силикон: Голдина в таких вещах разбиралась.

Она глянула на Альбину, с оживленным видом и фальшивой улыбкой стоявшую возле раскрасневшихся от своего успеха художников, и отметила, что та пьет уже третий коктейль: баба еще к тому же и не дура выпить. А как оживи-

лись подружки художников! Вот глупышки... Не понимают, что они – принцессы на час. Одна из них, беленькая, пожалуй, действительно ничего. Как ее зовут? Кажется, Лиза, она пришла с Игорем... Вторая, с хлестким именем Вика, не в ее вкусе, слишком яркая: а вот с Лизочкой можно было бы от скуки свести и более близкое знакомство...

– Поздравляю! – Лена обняла подругу сзади за плечи, старательно не глядя в сторону молодых авторов, к которым направился с поздравлениями ее супруг. – Ты довольна, правда?

– Правда, – тихо ответила ей Голдина. – Тем более что это только начало!

– Расин действительно талант, – подчеркнуто радостно произнесла Елена и повернулась при этом к художникам спиной, – конечно, чтобы не видеть мужа в одной группе гостей с Альбиной... Хорошо, что она это сделала. Голдина, глянувшая в этот момент через плечо подруги, увидела, как нахальная актрисуля придержала намеревавшегося выскользнуть из толпы Сергея за рукав пиджака и что-то сказала ему, едва приоткрыв пухлые (тоже силиконовые!) губки. Кожевников бросил встревоженный взгляд в их сторону и, наткнувшись на насмешливую гримасу Людмилы, моментально вспыхнул и, поспешно кивнув бывшей супруге, все-таки двинулся к ним, освободив рукав из цепких пальчиков Альбины.

«Что-то все-таки и впрямь происходит, – подумала Гол-

дина. – И лично мне хотелось бы знать, что именно».

Ответ на свой неозвученный вопрос Людмила Голдина получила гораздо быстрее, чем предполагала, и совсем не тот, который был вроде бы почти ожидаем.

Пробравшись сквозь продолжавших поздравлять авторов гостей к подругам, Кожевников с явным облегчением перевел дыхание.

– Уф! Терпеть не могу кого-нибудь с чем-нибудь поздравлять, – неожиданно признался он. – Говоришь всегда одни и те же слова, получается фальшиво... Тем не менее, девочки, предлагаю выпить за успех, поскольку он налицо... А потом, вероятно, нас пригласят наконец за стол?

Вопрос адресовался хозяйке банкета, и она, улыбнувшись одними губами, кивнула и приподняла свой бокал с остатками коктейля. Сергей Павлович коктейлей не признавал, в его наполовину наполненном округлом фужере, судя по цвету, плескался либо чистый коньяк, либо виски. Люсенька вкусы приближенных хозяйки знала отлично.

Что касается Лены, то в ответ на предложение мужа она слегка пожала плечами, неохотно коснулась своими губами стакана, но пить не стала, придирчиво следя за тем, как, в отличие от нее, Сергей Павлович одним глотком отправил в себя почти все содержимое своего бокала.

– Ну, знаешь, Сережа, – зло прошептала Леночка и тут же оборвала себя, слегка приоткрыв рот, изумленно уставившись на Кожевникова.

Голдина вслед за подружкой перевела взгляд на ее супруга и на мгновение окаменела.

В считанные секунды, как ей это запомнилось, а может, показалось, побагровевшее лицо Сергея исказила какая-то жуткая гримаса, рука с растопыренными, нелепо скрюченными пальцами, дергаясь, как в старом, еще рапидном кино, поднялась и вцепилась в узел галстука, но расслабить его он не успел: Сергей Павлович Кожевников резко согнулся пополам и рухнул под ноги ахнувшим и тут же отскочившим от него гостям. Из его горла вырвался и оборвался сдавленный хрип, наконец, все тело Кожевникова содрогнулось в мучительной судороге и замерло, словно окаменев... То, что муж Елены мертв, Голдина поняла сразу, потому что живые люди, просто потерявшие сознание, никогда не бывают неподвижны такой необратимой неподвижностью, свойственной лишь неживым предметам...

Некоторое время она остолбенело смотрела на его согнутую в локте руку, сведенную невыносимой судорогой, торчащую вверх над посиневшим на глазах ухом Кожевникова, но так и не выпустившую фужера...

А потом рядом с ней отчаянно, жутко закричала женщина, и Людмила не сразу поняла, что кричит Елена...

Крутой поворот

– Я тебе и без вскрытия могу сказать: угостили вашего бизнесмена не чем иным, как цианидом. Не в чистом виде, конечно, какое-то соединение... – Прекрасный специалист и невыносимый брюзга Арнольд Алексеевич Цанин, проработавший в судебной медицине не менее четверти века, грузно опустился на стул возле накрытого стола и посмотрел на следователя окружной прокуратуры так сердито, словно именно он, Валерий Лаконин, и было виновен в случившемся.

Как и большинство следователей, Валерий Иванович Лаконин дела, связанные с подозреваемыми и свидетелями из среды так называемой творческой интеллигенции, терпеть не мог. Весь его десятилетний опыт свидетельствовал о том, что творческие личности, попавшие в аховую ситуацию, даже будучи обыкновенными свидетелями, начинают лгать так изощренно и правдоподобно, как никто другой. Сами же первыми в эту ложь и веря. Врут не из злонамеренных побуждений, а потому что от природы обладают расстроенным воображением и большой фантазией. А отделить правду от «художественного» вымысла – пойди попробуй!

Ну а в данном конкретном случае речь шла именно о художниках. Валерий Лаконин прекрасно знал, что галерея Людмилы Иосифовны Голдиной – авангардистская. Или постмодернистская? Черт их там разберет, возможно, это

и вовсе одно и то же. Как-то, в период очередного романа убежденного холостяка Лаконина, одна из девиц, покоренных арийской внешностью Валерия, затащила его сюда на какую-то выставку. После чего они и расстались навсегда, ибо признать заляпанные разноцветными кляксами полотна гениальными картинами он решительно отказался, а девица оказалась фанаткой абстракционизма, жаждавшей просветить «тупого мента».

Тяжело вздохнув, Лаконин с сожалением вспомнил свой родной рабочий стол с незаконченной писаниной, еще час назад казавшейся ему наказанием Божьим, и оглядел небольшой банкетный зальчик.

Труп, возле которого хлопотали все, кому положено хлопотать, находился возле бара. Перепуганные гости, вкупе с хозяйкой, жались у противоположной стены, на деревянных, с красной бархатной обивкой, стульях, откуда доносились неизбежные в подобных ситуациях рыдания: рыдала, как, поморщившись, отметил Валерий, причем весьма театрально, пышногрудая блондинка в вечернем наряде, похожем на оперение птички колибри. Над ней хлопотала, тоже заплаканная, пухленькая особа с простоватым лицом – явно из obsługi.

Коллектив плакальщиц дополняли стоявшие чуть ли не в обнимку за барной стойкой две официантки. Рядом с ними топтались четверо мрачных молодцев в камуфляжной одежде, – вероятно, охрана.

Пока что гости виделись Лаконину одной разноцветной массой с множеством почти одинаковых лиц – компания была разодета пестро и довольно ярко... Исключением была одна женщина, на которую он обратил внимание, едва войдя в зал: светловолосая, хрупкая, в темно-зеленом платье. Она сидела отдельно от остальных, напротив входа, абсолютно неподвижно, словно окаменев. Бледная, почти до синюшности, в больших миндалевидных глазах стыло отчаяние... Валерий решил, что перед ним – жена погибшего, хотя выла в голос вовсе не она, а та самая блондинка.

– Извините... На свою беду, я организатор и хозяйка этого мероприятия. Могу я узнать, как долго... все это... продлится?

Лаконин внимательно глянул на некрасивое, длинное лицо женщины, одетой в какие-то дорогие лохмотья – под стать здешним сумасшедшим картинкам, – сообразив, что перед ним хозяйка «Примы».

– А в чем, собственно, дело, госпожа Голдина? Кто-то куда-то спешит?

– Нет, но... люди нервничают, и хотелось бы просто знать...

«Начинается!..» Валерий вздохнул и переглянулся с хорошо знакомым ему оперативником Игорем с «земельки», презрительно скривившим губы, потом нехотя кивнул:

– Что ж, сейчас прямо и начнем.

– Спасибо... э-э-э-э...

– Лаконин Валерий Иванович, следователь окружной прокуратуры, – представился он, и Людмила Голдина с облегчением кивнула. – Есть тут у вас какое-нибудь более подходящее для опроса помещение?

– Да, конечно. Думаю, мой кабинет вам вполне подойдет.

– Что ж, кабинет так кабинет... Чего тебе?

Последнее относилось уже не к Голдиной, а к доктору, завершившему осмотр трупа жертвы.

– Что – что? – сердито буркнул Цанин, стягивая прозрачные резиновые перчатки. – Что сказал вначале, то и есть... Я ж тебе не химлаборатория, чтобы сразу выдать формулу дряни, которую ему подсыпали или подлили...

– Но точно – подсыпали?

– Или подлили! – упрямо повторил Арнольд Алексеевич. – А точнее некуда... На сем позвольте закруглиться и отбыть, господин Лаконин.

– Когда? – вздохнул Валерий.

– Когда очередь дойдет, тогда и получишь все результаты! – немедленно взъялся доктор. – Ты у нас что, один такой на весь округ?

– Ладно-ладно, уймись... Может, и не один, да только у остальных твоих клиентов либо огнестрельное, либо обычная поножовщина, в худшем случае молотком по башке. Что я, не знаю?

– Все-то ты знаешь, – проворчал Цанин. – Ладно, до завтра!

– Уже лучше, – усмехнулся следователь и перехватил взгляд Голдиной, смотревшей на него то ли с отвращением, то ли с ужасом. Видимо, она сочла его жутким циником. Не объяснять же этой выхухоли, что дела, связанные с отравлением, настолько же редкие в наше время, насколько и вязкие и практически безнадежные для расследования, если с самого начала не возьмешь след, не ухватишь убийцу, а ухватив не ошибешься. А если и не ошибешься, поди еще докажи, что именно он не только, как выразился Цанин, «подсыпал или подлил», но еще и отследил вначале, где и как именно он эту отраву раздобыл. Плюс мотив. Словом, «повезло»!

Лаконин вновь вздохнул и кивнул Голдиной:

– Что ж, Людмила Иосифовна, ведите в ваш кабинет...

Хозяйка галереи успела сделать всего один шаг к двери, когда за спиной следователя раздался тихий, сдавленный возглас:

– Подождите...

Валерий обернулся и в некоторой растерянности уставился на ту самую даму в зеленом, с окаменевшим лицом, – вероятно, жену убитого. Ее глаза по-прежнему были полны отчаяния, но бледные щеки слегка порозовели. Женщина с заметным усилием шевельнулась и поднялась с дивана.

– Подождите меня, – произнесла она по-прежнему негромко. – Мне... нужно вам кое-что сказать...

– Лена! – Голдина буквально метнулась к ней и обняла за плечи. – Дорогая, ты о чем?.. Валерий Иванович, это Елена

Николаевна Кожевникова, жена...

Она не договорила, видимо, не в состоянии оказалась произнести слово «покойного», но и так было понятно.

Елена Николаевна на Голдину никак не прореагировала, продолжая смотреть на следователя.

– Вы не понимаете... Мне нужно! – Ее губы сжались в прямую линию.

– Конечно-конечно, Елена Николаевна, – спохватился Лаконин. – Давайте пройдем!..

Он пропустил обеих женщин вперед. Людмила по-прежнему обнимала Кожевникову за плечи, заботливо поддерживая ее. Тем удивительнее оказалось то, что произошло затем уже в кабинете хозяйки «Примы».

Кожевникова внезапно решительно сбросила с себя руки Голдиной:

– Люда, выйди, пожалуйста! То, что я должна сказать... сделать то есть... Пожалуйста, выйди!

Голдина изумленно уставилась вначале на нее, потом на следователя, с искренним недоумением пожавшего плечами. Наконец, несколько обиженно кивнула:

– Ну, если так... Как хочешь!

Дождавшись, когда за той закроется дверь, Елена Николаевна повернулась к Валерию.

– Мне нужно позвонить, – твердо произнесла она. – Мобильный остался дома... Я должна позвонить, вам все объяснят!

– Но... Я не имею права позволять вам сейчас звонить! – невольно воскликнул Лаконин.

– Вам придется! – Женщина покачала головой. – Дело в том, что мой муж не бизнесмен... И никогда им не был...

– Что?

После этого Елена Николаевна произнесла всего несколько слов, но их хватило, чтобы Валерий Иванович сдался и отступил в сторону, давая ей доступ к телефону.

Номер Лена помнила наизусть – Сергей когда-то заставил выучить – и, боже мой, как же она надеялась, что эти проклятые цифры никогда ей не пригодятся... Вот, понадобились...

– Вас слушают! – Владелец глубокого баритона, взявший трубку по ту сторону связи, не счит нужным представляться. Но она и не ждала этого: только бы хватило сил сказать все, что нужно, только бы хватило!..

– Я жена Сергея Павловича Кожевникова... Моего мужа только что убили... – На этом голос женщины сорвался, но она все-таки сумела взять себя в руки. – Здесь... оперативная группа...

– Адрес? – после очень короткой паузы спросил баритон. Она назвала. – Следовательно от вас сейчас далеко?

– Рядом...

– Передайте ему трубку.

Елена Николаевна поняла, что на этом ее разговор с безымянным собеседником закончен и, молча отдав трубку Ва-

лерию, словно враз обессилев, почти упала в стоявшее рядом со столом кресло: все, что еще можно было сделать для Сережи, она сделала... По щекам Лены потекли слезы, но она их не замечала.

Валерий, все еще до конца не осознавший, сколь крутой поворот сделала сейчас ситуация, растерянно назвал свою должность и имя.

Обладатель баритона счел возможным ему представиться и после этого попросил кратко изложить суть случившегося, что Лаконин и сделал, изредка косясь на вновь замершую в своей неподвижности Елену. Но она его, казалось, не слышала, погружившись в несчастье с головой... Это был настоящий шок, и Валерий пожалел, что отпустил Цанина.

– Сейчас к вам приедет наш следователь. – Собеседник, теперь уже лаконинский, перешел к инструктажу, в его голосе появились командные нотки. – А также представитель Генеральной прокуратуры и оперативники из Первого департамента... Остановите до их появления все оперативно-следственные мероприятия!

– Есть, – буркнул Валерий Иванович и с облегчением положил трубку. Организацию, сотрудником которой представился обладатель баритона и безликой фамилии «Петров», он, как практически и все его коллеги, мягко говоря, не любил.

– Черт! – вырвалось у него. – Вот черт!..

И он тут же смущенно покосился на Лену.

Женщина слегка вздрогнула и подняла на него глаза:

– Вы... огорчены? – Ее губы неожиданно тронула вымученная улыбка. – Но ведь вам, – с горечью произнесла она, – это только на руку, не придется заниматься этим делом... Да, думаю, не придется...

Хлопнула входная дверь, и Ирина Генриховна Турецкая на секунду замерла, не выпуская из рук сковородку, которую как раз собиралась водрузить на плиту: ее муж, старший помощник Генерального прокурора России, обещал сегодня вернуться домой пораньше... Вот и вернулся. После стольких лет совместной жизни она легко определяла настроение Александра Борисовича, стоило ему переступить порог родного дома. Для этого ей не нужно было даже глядеть на супруга – достаточно услышать, как он, к примеру, хлопает той же входной дверью... Ирина вздохнула и поставила сковородку с жареной картошкой на плиту, покачав головой: как она и предполагала, вслед за появлением любимого мужа в прихожей раздались еще два звука: в разные углы полетели сброшенные как попало ботинки Турецкого.

– Ир, ты где?

Хмурый Шурик возник наконец на пороге кухни и с недовольным видом уставился на жену.

– Зову-зову, а ты молчишь! – буркнул он.

Возражать она не стала, сделав вид, что не замечает его мрачного настроения и жажды немедленно выместить его...

На ком?.. Ну разумеется, на самом близком и, несомненно, любимом человеке!

– Извини, задумалась, – улыбнулась Ирина. – Ты руки вымыл?

И пока муж, молча нырнувший в ванную, долго плескался там, быстро и ловко накрыла на стол.

– А где Нинка? – уже чуть мягче поинтересовался Турецкий, возвращаясь на кухню и усаживаясь за стол.

– У себя в комнате... Сидит, зубрит что-то там к завтрашней контрольной по математике... Вкусно?

– Угу... – промычал супруг, вгрызаясь в прожаренный до коричневой корочки – в точности как он и любил – кусок курицы. Ирина удовлетворенно кивнула и, поправив рассыпавшиеся по плечам темно-каштановые локоны, присела напротив мужа, терпеливо ожидая, когда дело у него дойдет до чая, к которому намеревалась присоединиться. Очень жаль, что Шурик явился сегодня в неважном настроении: серьезный разговор, который она запланировала, затевать явно не стоит, придется подождать... Ну чего-чего, а ждать Ирина Генриховна за годы супружеской жизни научилась!

Разлив в свой черед крепкий черный чай по чашкам, она, расположившись за столом напротив мужа, посмотрела на него вопросительно, ничуть не сомневаясь, что сейчас услышит наконец о причине его мрачного настроения. И, конечно, не ошиблась.

– Знаешь, Ирка, – уже куда смиреннее начал Александр

Борисович, – иногда мне хочется взять да и бросить все к чертовой матери... Надоело копать в человеческой грязи – во как!

Он провел ребром ладони по горлу и тяжело вздохнул.

– Судя по всему, – осторожно предположила она, – у тебя новое дело?

– Нет, ты представляешь? – Турецкий возмущенно отодвинул от себя чашку. – Костя словно нарочно грузит меня в последнее время самыми, я бы сказал, двусмысленными делами!

– То есть?

– «То есть», «то есть...» – он с некоторым сомнением посмотрел на жену, потом, видимо решившись, махнул рукой: – А-а-а... Вот, представь себе: на какой-то там светской тусовке убивают бизнесмена, причем убивают каким-то, я бы сказал, устаревшим способом – будто убийца предварительно начитался детективных романов старушки Кристи...

– Отравили, да? – округлила глаза Ирина.

– Умница. – Турецкий посмотрел на жену с удовлетворением и усмехнулся. – Угадала... Может, теперь еще и угадаешь, чем?

– Неужели цианид?

– Точно!.. Ну, Ирка, ты даешь – вот что значит быть замужем за мной, любимым!.. Ну так вот: и бизнесмен-то отнюдь не крутой – так, серединка на половинку: владелец электронной фирмешки, где имеется штуки три постоянных сотруд-

ников и с десятком «контрактников» по вызову. Ну, знаешь, таких фирмочек, если судить по объявлениям на столбах, у нас сотни – разного, правда, калибра. Установка Интернета, компов, у него еще и какие-то там новые технологии... Словом, разбираюсь я в этом, сама знаешь, в общих чертах, поскольку далее рядового пользователя продвигаться было до сих пор ни к чему.

– Так тебя что же, раздражает то, что теперь придется углубиться в электронику? – удивилась Ирина.

– Если бы! – Турецкий одним глотком допил остывший чай и поморщился. – Нет, ты слушай, что оказывается на поверку! А на поверку оказывается, дорогая моя, что этот средненький бизнесмен – никакой не предприниматель, и фирма в реальности принадлежит не ему даже, а известной тебе организации, о которую мне в последнее время приходится спотыкаться чуть ли не в каждом втором деле!..

– Неужели?.. Он что, работал под прикрытием ФСБ?

– А то! И не простым топтуном, а одним из лучших их сотрудников, выявляющих взяточников среди чиновников самого высокого ранга!

Ирина Генриховна прищурилась и недоверчиво посмотрела на мужа:

– Шурик, ты же не хочешь сказать, что он просто-напросто самым топорным образом предлагал подозреваемым взятки? – И, поскольку Турецкий промолчал, слегка пожав плечами, взволнованно продолжила: – Если это так, то это

же... Это же статья «Коммерческий подкуп», если не ошибаюсь, двести четвертая, да еще во второй части – то есть с использованием служебного положения!..

Наступила очередь Александра Борисовича изумленно уставиться на супругу: конечно, будучи столько лет женой «важняка», в каких-то вещах поневоле начнешь разбираться, поскольку любимая тема мужа – его проклятая работа... Но чтоб вот так, наизусть, цитировать с ходу Уголовный кодекс Российской Федерации?! Ирина же Генриховна между тем продолжила, словно и не заметив, как ошарашенно смотрит на нее Турецкий.

– Хотя... Погоди, кажется, если взятодатель явится с повинной по собственной инициативе, от уголовной ответственности он освобождается... Все равно – это подстава!..

– Слушай, откуда ты?..

– Так подстава или нет? – нетерпеливо перебила его Ирина.

– Понятия пока не имею! Я ж только сегодня это дело получил, к тому же там не все так просто! Забыла, что замочили его на великосветской тусовке?

– И что?

– А то!.. Среди гостей – а это был банкет в честь открытия художественной выставки – присутствовала как минимум одна персона, у которой, вполне возможно, имелся мотив... Его бывшая супруга!

– И давно она в «бывших»?

– Пока не знаю. Но черт их, баб, знает... Прости, ты у меня не «баба», ты у меня – Женщина с большой буквы!.. Да, кстати, откуда ты так хорошо знаешь насчет уголовной статьи?..

Ответить Ирина Генриховна не успела, поскольку на пороге кухни появилась Нина, она же Ника, – их с Александром общее и, несомненно, лучшее на свете произведение, унаследовавшее от своих родителей (в этом не сомневались оба!) все хорошее и почти ничего плохого.

– Пап, привет!.. – На хорошенькой (в маму!) мордашке девочки красовалась озабоченная гримаска и упорное стремление (в папу!) немедленно разрешить возникшую проблему.

– Приветик! – Александр Борисович моментально растаял при виде Ниночки, с удовольствием окинув взглядом с ног до головы ладненькую и хрупкую дочку. Но Ниночка не являлась особой, склонной к сантиментам.

– Просто чудо, что еще не утро, а ты уже дома, – мне повезло!

– Э-э-э... Что ты хочешь сказать?

– То, что и сказала, а кроме того, мне срочно нужна твоя помощь! Не могу понять, в чем тут фишка, не могу – и все!.. Вот ты мне и поможешь ее решить!

– К-кого? – Сердце Сан Борисыча сжало дурное предчувствие: что там говорила Ирина насчет контрольной по математике? Чтоб ему провалиться на месте, если он разбирает-

ся в их нынешней школьной программе!

– Задачу, конечно!

Саша бросил на жену отчаянный взгляд: отцовский авторитет явно был под угрозой.

– Во-первых, – спокойно произнесла Ирина, – сколько раз я тебя просила, Ника, чтоб никакими «фишками» и «прикольчиками» ты свою речь не засоряла хотя бы дома? Во-вторых, отец устал, у него новое сложное дело... Пойдем, думаю, вдвоем с тобой мы разберемся, ведь разобрались же в прошлый раз?

– По моим наблюдениям и подсчетам, – ядовито произнесла Нина-Ника, – у нашего папули что ни день, то «новое дело»!.. Ладно, мам, пошли!..

И, круто развернувшись, покладистый ребенок, на глазах преобразовывающийся в не столь уже покладистого тинейджера, исчез в направлении своей комнаты.

– Ничего не поделаешь, – невесело усмехнулась Ирина. – Возраст такой... Придется перетерпеть!

– Может, лучше наоборот, натянуть поводья потуже? – нахмурился Александр. – Больно уж бойкая стала на язык...

– Яблоко от яблони... – Ирина поднялась из-за стола и, быстренько собрав посуду, перегрузила ее в раковину. – В кого это ей быть мямлей, не умеющей связать двух слов? По моему, ни один из нас этим недостатком не страдает!

– Мам, ну ты где? – раздался из глубины квартиры недовольный возглас. – Хватит меня обсуждать, иди сюда!

– Видал? – Ирина Генриховна подмигнула мужу и покинула кухню, оставив его в одиночестве.

Александр Борисович смущенно и виновато посмотрел вслед жене, посидел немного, вздохнул и покачал головой, осуждая сам себя: как ни крути, как ни верти, а дочка права – дома он бывает мало, все семейные процессы на Иркиных плечах... И когда только успевает? Все-таки с женой ему повезло необыкновенно – умница, красавица, кто скажет, что и ей вот-вот стукнет сороковник? Никто!.. Не жена, а мечта, во всяком случае, для такого трудоголика, как он. Точно повезло!..

Дама нетрадиционной ориентации

Людмила Иосифовна Голдина небрежно сбросила на руки старшего оперативника Первого департамента МВД Владимира Яковлева расшитый бисером тулупчик. Окинув равнодушным взглядом мужчин, присутствующих в кабинете Турецкого, Голдина, не дожидаясь особого приглашения, прошла к столу Александра Борисовича и, сев на стул для посетителей, спокойно посмотрела «важняку» в глаза.

По всему выходило, что опасения хозяина кабинета насчет того, что слишком большое, на его взгляд, количество присутствующих на дознании смутит Голдину, оказалось излишним. Хозяйка галереи держалась уверенно и почти безмятежно. Поправив на коленях мягкую большую сумку – нечто среднее, на взгляд Турецкого, между кошелкой и мешком для картошки, она замерла в вопросительной позе с таким видом, словно и понятия не имела, для чего ее сюда вызвали. Яковлев, сидевший рядом с Турецким у маленького столика с записывающей аппаратурой и бланками протокола дознания, слегка усмехнулся: в день убийства Кожевникова ему уже довелось пообщаться с Людмилой Иосифовной, и другого поведения он от нее и не ожидал.

Зато в глазах остальных – яковлевского непосредственно начальника Вячеслава Ивановича Грязнова, следователя Генпрокуратуры, только что вернувшегося из отпуска Вале-

рия Померанцева, угодившего, как водится, непосредственно с корабля на бал, и даже полковника Анисимова, представлявшего ФСБ, явно читалась повышенная заинтересованность: как правило, попадая в этот кабинет, хотя бы и в качестве свидетелей преступления, практически все посетители нервничали. Чего о Голдиной сказать было никак нельзя.

Спокойно и неторопливо она ответила на первые вопросы Турецкого, касавшиеся ее места жительства и рода занятий, подождала, пока Яковлев перепишет в «шапку» протокола ее паспортные данные, и, попросив разрешения, закурила извлеченную из изящного кожаного портсигара тоненькую коричневую сигаретку.

– Давайте, – предложил Александр Борисович, – начнем с того, как давно вы знакомы с погибшим и по каким причинам пригласили его с супругой на открытие выставки и банкет?

Людмилу ничуть не смутило то обстоятельство, что на аналогичный вопрос она уже отвечала Яковлеву непосредственно в вечер убийства. Кивнув, она заговорила низким хрипловатым голосом:

– Собственно говоря, пригласила я скорее не его, а Лену, хотя и Сергей вполне мог оказаться мне полезен... Лена... Елена Николаевна Кожевникова – моя давняя и близкая подруга. Сколько лет мы с ней знакомы, сейчас и сказать трудно, а с Сергеем – семь лет. Ровно столько, сколько они же-

наты...

И, не дожидаясь уточняющего вопроса, пояснила сама:

– Говоря насчет пользы, я имела в виду, что Кожевниковы в числе остальных были для меня еще и потенциальными покупателями... Конечно, Сергей в живописи практически не разбирается... не разбирался. Но Лена, так же как и я, по образованию искусствовед, мы учились с ней вместе, на одном факультете университета. К тому же она сама немного занимается живописью... Словом, Кожевников к ней в этом отношении всегда прислушивался.

– С Сергеем Павловичем вы тоже дружили?

Голдина слегка поколебалась, прежде чем ответить, но потом, видимо, решила, что скрывать правду нет смысла: если уж дело дошло по каким-то неясным причинам до Генпрокуратуры, все равно докопаются...

– Нет, – покачала она головой. – Если честно, говорить о взаимной симпатии между нами совсем не стоит... Сергей был убежденным консерватором и нашу с Леной дружбу не одобрял именно по этой причине... Иногда мне казалось, что он меня просто-напросто терпеть не может...

– То есть? Что вы имеете в виду? – Александр Борисович недоуменно поднял правую бровь и посмотрел на Голдину поверх очков.

– Ему, как большинству ортодоксов, не нравилась моя сексуальная ориентация... Надеюсь, вас это не шокирует? – Людмила Иосифовна усмехнулась и посмотрела на Турецко-

го с нескрываемой иронией. – Только не подумайте, что я бравирую. Просто констатирую факт. Кстати, вам придется в этой связи поверить мне на слово, но между мной и Леной никогда никакого намека на такого рода отношения, какие он подозревал, не было. Мы действительно дружили, и более ничего!

Александр Борисович перехватил взгляд Михаила Анисимова, в котором мелькнуло нескрываемое отвращение, и на секунду уткнулся в лежавшие перед ним бумаги, подумав, что все-таки это был весьма разумный шаг – усадить остальных мужиков так, чтобы во время беседы с хозяйкой «Примы» все, кроме него и Яковлева, находились вне поля зрения Голдиной. Достаточно и того, что Володька так же, как и Анисимов, не сумел скрыть легкого шока от только что прозвучавшего признания, проступившего в данный момент на его физиономии более чем отчетливо... Черт бы побрал эту творческую интеллигенцию с их вывертами!

– Ясно, – спокойно вздохнул Турецкий. – С этим, по крайней мере... Пойдем дальше. За сколько дней до открытия выставки вы озвучили Кожевниковым свое приглашение?

Людмила ненадолго задумалась, потом слегка пожалала плечами.

– Вообще-то выставка готовилась около месяца, и я несколько раз советовалась с Леной по разным деталям в процессе подготовки. То, что они будут на открытии, – само собой разумелось... Но о конкретном времени сообщила,

как всем, дня за два-три. Точнее, боюсь, не помню.

– Но не больше, чем за три? – уточнил Турецкий.

– Нет, не больше.

– Сколько человек и кто именно были приглашены на банкет?

– Вообще-то моя помощница Люся ответила бы на этот вопрос точнее, но я попытаюсь... Так, во-первых, сами авторы с их девицами, во-вторых, возможные покупатели: кроме Кожевниковых Валя Сумко, Жора Карякин... Оба бизнесмены и коллекционеры, хотя назвать их людьми, разбирающимися в живописи, особенно Карякина, трудно... Известный коллекционер, старик Лабанин, Семен Семенович...

– Стоп! – прервал Голдину Александр Борисович. – Вы, по-моему, забыли упомянуть, что оба бизнесмена пришли со спутницами. Их вы тоже приглашали?

– Зачем? – Людмила слегка округлила брови. – Это предполагалось само собой... Конечно, кто-то из них мог прийти и в одиночестве, но на всякий случай...

– Кто из двоих мог прийти один с наибольшей вероятностью?

Голдина снова ненадолго задумалась, но ответила вполне уверенно:

– Да оба... Но, если уж говорить о неожиданностях, Жора меня несколько удивил...

– Вот как? И чем же?

– Знаете, обычно он западает на таких девиц – типичных

моделек, причем молоденьких. Чем моложе – тем лучше... И брюнеток. А тут приволок крашеную блондинку, явно за тридцать... Впрочем, вкусы у людей могут меняться, а у Карякина денег для удовлетворения своих прихотей вполне достаточно!

Турецкий кивнул, отметив про себя, что, несмотря на дружбу, Елена Николаевна Кожевникова, видимо, не сочла нужным сообщить подруге, кого именно «приволок» с собой на роковой банкет бизнесмен. И задал следующий вопрос:

– Получается, часть гостей вы либо не знали, либо знали плохо?

– Я отлично знаю всех, кому передала приглашения лично, а это не менее десяти человек. Каждый волен был привести с собой на выставку любое количество гостей, но на банкет – только одного, так сказать, самого близкого. Из этих близких я совсем не знаю человек пять. Остальных знаю плохо... Ну, как, например, тех двух девиц, подружек авторов: знаю, что одну зовут Лиза, вторую, кажется, Вика, видела их несколько раз – и все. Знакомиться поближе просто нет смысла, по моим наблюдениям, подружки у нынешней молодежи, так же как и бойфренды, меняются чаще, чем солнышко всходит-заходит... Всех не запомнишь. Я могу перечислять дальше?

Александр Борисович кивнул, и Голдина продолжила, старательно перебирая в памяти по возможности всех участников банкета, коих в итоге оказалось не так уж много. Алек-

сандр Борисович знал, что в вечер гибели Кожевникова в банкетном зале собралось восемнадцать человек. Сейчас он преследовал иную цель: ему хотелось услышать, кому из них какую характеристику даст хозяйка галереи, прежде чем начать беседовать с попавшими в свидетели гостями лично. Кто из них, с точки зрения Голдиной, более всего подходит на роль убийцы?.. В том, что убийца был участником этой тусовки, сомневаться не приходилось – оставалось только огорчаться, что вычислить его по горячим следам не удалось, несмотря на то что опрашивали всех там, на месте, не по разу, до самого утра... Опрашивали специалисты совсем не слабые! М-да...

– Людмила Иосифовна, – Турецкий вздохнул, – давайте попробуем, так сказать, реконструировать сам момент убийства Кожевникова... У вас, как у человека, связанного с живописью, должна быть хорошая зрительная память. Пусть вас не смущает, что на этот вопрос вы уже отвечали в тот вечер... Вдруг всплывет еще какая-то важная деталь? Тогда вы, насколько понимаю, были в шоке...

– Да, конечно, – кивнула Голдина. – Возможно, что-то и припомнилось, естественно, я эти два дня постоянно думала о Сергее, о Лене...

– Начните с момента, когда Кожевников подошел к бару за коньяком...

– А вот этого я как раз и не видела, – возразила Людмила. – Я вообще вошла в банкетный зал последней, потому что

дождалась, когда обычные посетители покинут галерею, и отдавала охране кое-какие распоряжения... Выставка прошла даже лучше, чем я ожидала, народу было довольно много, хотя афишу я вывесила для начала всего одну – у входа. Ну, конечно, обзвонила знакомых... Словом, когда вошла в зал, думала о своем, вполне удовлетворенно... И тут ко мне подошла Лена – уже с коктейлем. Вероятно, и Сергей успел к тому моменту взять что-то в баре... Я его увидела, собственно, в тот момент, когда он поздравлял авторов... У меня сложилось впечатление, что он, как это ни странно, знаком с этой блондинкой-актрисулей, которую приволок с собой Жора Карякин... Во всяком случае, она на нем в тот момент висла... А Лена нервничала, по-моему, как раз из-за этого...

– Вы только что сказали, что спутницу Карякина видели в тот вечер впервые, – напомнил Турецкий. – Откуда же вам известно, что она актриса?..

– Это единственное, что я запомнила, когда он мне ее представил, – пожалала плечами Голдина.

– Почему вы решили, что она знакома с Кожевниковым, и что значит «висла»?

– Почему решила?.. – Людмила Иосифовна, кажется, впервые за все время разговора с Турецким слегка растерялась. – Ну, не знаю... Просто она так себя вела... Вряд ли, едва познакомившись с человеком, начнешь хватать его за рукава пиджака и что-то шептать прямо в ухо, чуть ли не

целуя...

Голдина брезгливо поморщилась.

– Помню, я еще порадовалась, что Ленка этого не видит. Она жутко ревнивая, вышел бы скандал... Но Лена и без того злилась... Возможно, она была в курсе, что ее муж знаком с этой дамочкой?.. – Голдина отвела глаза.

– Разве вы ее об этом не спрашивали? – поинтересовался Турецкий, отметив, что лжет Людмила Иосифовна вполне мастерски.

– Я Лену после банкета не видела, долго дозванивалась, а когда она все-таки ответила и услышала, что я хочу приехать, попросила этого пока не делать и положила трубку... Это в ее характере, она всегда, если случилось с ней что-то плохое, какое-то время ни с кем не общалась, всегда самый острый период предпочитает переживать в одиночестве... Тут уж ничего не поделаешь, обижаться бессмысленно.

– Значит, – задумчиво покачал головой Александр Борисович, – вы не в курсе, что эта, как вы выразились «актриса», Альбина Викторовна Крутицкая, первая жена Кожевникова...

Невозмутимая доселе Голдина проявила-таки хоть какие-то эмоции, издав негромкий удивленный возглас:

– Неужели?.. – Она слегка покраснела и резко подтянула к себе свою кошелку. На какое-то короткое мгновение замерла, переваривая полученную информацию. Затем чертыхнулась. – Черт бы побрал Ленку с ее скрытностью... Ну и ну!

Угораздило же Георгия притащить именно ее... И что теперь? Думаете, это она?

Людмила вопросительно прищурилась на Турецкого.

– Пока мы ничего не думаем, следствие только началось, – возразил тот. Но никакого впечатления на Голдину, уже включившуюся в это соображение, его осторожный ответ не произвел.

– Хотя столько лет прошло, – произнесла она с сомнением, – вообще-то это возможно, тем более что...

– Что? – на этот раз прищурился Турецкий.

– По тому, как она на нем повисла, и по тому, как покраснел Кожевников – а он покраснел, особенно когда понял, что я на них смотрю, – все выглядело так, как будто они с этой... как ее?..

– Альбина Викторовна.

– С этой Альбиной общаются не так уж редко... Кожевников вообще, когда перехватил мой взгляд, повел себя так, словно его поймали на месте преступления...

– Это ваше личное мнение? – заметил Турецкий.

– Я бы на вашем месте, – усмехнулась Людмила, – ему доверилась, я постоянно общаюсь с людьми, поневоле станешь психологом! Возможно, они вообще договорились встретиться на этом банкете?.. В любом случае, если у них за Ленкиной спиной затеялась новая романтическая вспышка, все эти актриски... Все они сплошь истерички и эгоистки! Уж вы мне поверьте!

Тут Турецкий поверил ей вполне охотно, поскольку и сам был того же мнения об актерской братии.

– Словом, если допустить, что Сергей вначале ей поддался, а потом дал задний ход...

– К сожалению, Людмила Иосифовна, – прервал Турецкий разгулявшееся воображение Голдиной, – следствие исходит не из предположений, а из фактов, на коих и выстраиваются версии.

– Что ж, вероятно, что касается фактов, Лена вам их даст: не зря же она так нервничала и злилась на Сергея... Теперь понятно, что из-за этой дамочки!

– Скажите, пожалуйста, вы не можете припомнить, кто еще, кроме Крутицкой, находился возле авторов выставки среди поздравляющих их в тот момент?

Голдина снова задумалась, потом слегка кивнула:

– Конечно, основное внимание у меня было сосредоточено на нем и этой Альбине... Но, по-моему, там же были Сумко, его девица, Семен Семенович... Нет, остальных не помню! Но большая часть гостей уже отошли к столу, ожидая банкета.

– А сам Карякин?

– Жора стоял возле нас, ждал, по-моему, Лабанина, чтобы посоветоваться со стариком насчет покупки картины, которая ему явно приглянулась: он своему вкусу и чутью не доверяет пока, и правильно делает. А девица стояла возле художников, совершенно точно, по-моему, ей Женя Расин

приглянулся. То, что он был с подружкой, а она пришла с Сумко, ее явно не смущало...

– Она что же? Заигрывала с Расиным?

– Не то чтобы, но выпендривалась перед ним – точно.

– Это которая Елизавета Абрамовна Лискина?

– Наверное, – пожала плечами Голдина. – Кажется, он ее пару раз Лизой называл... Ее я видела впервые, так что...

– Ну что ж, единственный человек, которого вы, видимо, забыли назвать, – ваша помощница-барменша, – напомнил Саша. – Художники, насколько я понимаю, расположились справа от бара, верно?

Голдина, прежде чем ответить, неожиданно рассмеялась:

– Знаете, если вы подозреваете, что моя Люсенька могла кого-то отравить... – Она снова фыркнула. – Ну тогда можете заранее распрощаться с идеей поймать убийцу!.. Чтоб вы знали – второй такой трусихи, как она, к тому же доброй, как древняя христианка, в наше время просто не найти! Добрая, вплоть до полнейшей глупости. Способна оплакать не то что человека – голубя, которого переехала по случайности машина!

– Что ж, Людмила Иосифовна, – улыбнулся Турецкий, – на сегодня пока что все, позвольте ваш пропуск... Что касается наших подозрений и поимки убийцы, должно быть, вы в курсе, что цыплят считают по осени?..

– Малоприятная дамочка, – не выдержал и процедил

сквозь зубы Анисимов, едва за Голдиной закрылась дверь кабинета. Остальные мужчины предпочли обойтись без комментариев, молча передвигая свои стулья поближе к столу руководителя оперативно-следственной группы Турецкого.

Александр Борисович задумчиво посмотрел на молодого полковника, которому недавно исполнилось тридцать шесть лет. Спортивный, ладный, несомненно, прекрасный профессионал. Судьба сводила их на общих делах не впервые, и хотя знакомство было не столь долгим, за прошедшее время Анисимов успел защитить диплом в юридическом вузе, получить следующее звание и поменять должность: несколько месяцев назад он был руководителем одной из опергрупп ФСБ.

В общем и целом Михаил Иванович Турецкому нравился, но сейчас он собирался говорить с ним достаточно жестко. Чтобы избежать в ближайшем будущем недоразумений, всегда возникающих в процессе сотрудничества с упомянутой организацией в связи с их высокой степенью засекреченности, следовало расставить все точки над «и» сразу...

– Что я тебе скажу, Саня, – неожиданно подал голос заместитель начальника Первого департамента МВД и близкий, старый друг Турецкого Слава Грязнов, – дамочка и мне не понравилась... Вполне возможен вариант, что насчет своих отношений с Кожевниковой она лжет! А среди этих баб розового оттенка ревность – вполне достаточный повод для убийства!

Валерий Померанцев, подчиненный Турецкого и один

из лучших его сыщиков, не выдержал и фыркнул, за что немедленно получил от Вячеслава Ивановича возмущенный взгляд.

– Давайте не опережать события, – осторожно возразил Александр Борисович. – Если вы не забыли, на первом нашем совещании мы остановились на двух рабочих версиях, приняв их за основные: личная неприязнь и профессиональная деятельность. Я бы хотел сейчас поговорить не о результате беседы с Голдиной, до этого еще дело дойдет, а о второй из них...

Турецкий отметил, что в глазах Анисимова мелькнула настороженность.

– Михаил Иванович, – Александр Борисович повернул свой стул так, чтобы смотреть полковнику прямо в лицо, – в прошлый раз я просил вас подготовить нам список всех так называемых командировок Кожевникова за последний год.

Анисимов кивнул, но промолчал.

– Теперь, поскольку эта информация необходима всем здесь присутствующим без исключения, я попрошу вас, во-первых, подробно рассказать нам, каким образом работал ваш агент, выезжая на место, во-вторых, о принципе, по которому это место избиралось. И наконец, в-третьих, рассказать о его последних заданиях подробно.

Михаил нервно усмехнулся и поинтересовался:

– Это что-то вроде допроса?..

– Это что-то вроде сбора информации, между прочим,

оперативной.

– Наши оперативники готовы выехать на места сами по первому вашему распоряжению...

– Позвольте вам напомнить, – сухо произнес Турецкий, – что этим делом я занялся по личной просьбе президента... Это его решение, а не наше и даже не нашего с вами начальства. На формирование опергруппы мне при этом дан полный карт-бланш, соответственно на места поедут люди, проверенные в работе мной, люди, которым я доверяю как профессионалам целиком и полностью. Что касается всех необходимых бумаг о неразглашении, они подписаны каждым из присутствующих, несмотря на то что, к примеру Валерий Александрович Померанцев будет, во всяком случае пока, заниматься версией «личной неприязни». А там видно будет.

В кабинете воцарилось молчание – довольно тяжелое. Наконец, Анисимов коротко вздохнул и заговорил:

– Хорошо. Начну я, с вашего позволения, с принципа, по которому избирались... э-э-э... пункты назначения.

Александр Борисович кивнул.

– Здесь все просто: жалобы граждан, пострадавших от коррупции государственных чиновников на местах.

– А что, у нас есть такие места, где граждане от этого не страдают? – ядовито поинтересовался не отличавшийся выдержкой Померанцев, частенько получавший от начальства щелчки за свой неумный темперамент.

– Не знаю. Лично я о таких не слышал, – спокойно ото-

звался Анисимов. – Но дело не только в наличии жалоб, а еще и в их количестве... Вы удовлетворены?

– Вполне, – буркнул Турецкий, бросив на Валерия сердитый взгляд.

– Тогда продолжу. Приехав в город в качестве бизнесмена, Кожевников для начала устанавливал связь с нашими местными сотрудниками, которые и выводили его на нужного человека... Разумеется, не как подполковника ФСБ, а как предпринимателя, вознамерившегося приобрести в данном городе предприятие, наиболее соответствующее его целям. Общение с разными людьми длилось разное время, прежде чем дело доходило до... до сути... Как вы понимаете, предоставлять постороннему человеку сведения, составляющие коммерческую или банковскую тайну, запрещено законом. Взятничество в этой сфере как раз и зиждется на его нарушении.

– И что же, все его... командировки были успешны? – мрачно поинтересовался Грязнов.

– Сергей Павлович был одним из лучших специалистов в этой сфере, за пять лет – ни одного прокола. Это не значит, что все подозреваемые становились обвиняемыми, что честных людей, ошибочно заподозренных во взяточничестве, не было вовсе. Но где-то в восьми случаях из десяти...

– Подстава срабатывала! – брякнул бестактный Померанцев, заставив Анисимова вспыхнуть и крепко сжать губы, дабы не сорваться на грубость.

– Теперь последнее, – поспешно произнес Турецкий, едва сдержав абсолютно неуместную улыбку. – Я имею в виду адреса, точнее, города, в которых он побывал за последние год-полгода!

– Да, я помню, что у нас в-третьих, – буркнул полковник, стараясь не смотреть в сторону Валерия. – Мы проанализировали пять последних командировок Сергея Павловича, все операции были успешными, две из них – более чем, поскольку подозрения не подтвердились. Оставшиеся три операции проходили в Электродольске, в Ульяновске и в Саргове.

– Где раньше, а где позже?

– Раньше всех, еще прошлым летом, в Электродольске. Затем, весной, был Ульяновск.

– В прошлом году?

– Да.

– Он что же, не выезжал никуда все время между Электродольском и Ульяновском?

– Я же сказал, что две операции прошли с положительным результатом!

– А последняя?

– Да, ну и последняя – Саргов. Ноябрь прошлого года, то есть совсем недавно... Это все. Как правило, – добавил Анисимов, хотя об этом Турецкий его не просил, – между операциями проходило довольно много времени, иногда месяцев семь-восемь. Кожевников был блестящим сотрудником, им

старались не рисковать. После суда должно было пройти не менее двух-трех месяцев... Лично я не думаю, что Сергея Павловича Кожевникова убили из-за его профессиональной деятельности.

– Мы учтем ваше мнение, – чуть мягче пообещал Турецкий. – А сейчас, если можно, остановимся на каждом из трех городов подробнее. Давайте прямо по порядку: что там у нас раньше всех? По-моему, Электродольск?

Мышеловка и сыр

Сергей Павлович Кожевников относился к тому счастливному типу людей, которые никогда не изменяют своим ожиданиям и навсегда избранным принципам, делу, которому служат, и женщине, сумевшей стать не просто любимой, но единственной, то есть искренне разделившей с ним его убеждения. Все это – и принципы, и дело, и женщина – в его жизни было, а следовательно, и сама жизнь удалась. Так он считал, и был, несомненно, прав.

В свое время, сразу после блестящей защиты диплома в «Бауманке», получив предложение стать сотрудником государственной безопасности, система которой как раз находилась в процессе реорганизации, он согласился, практически не колеблясь. По его глубокому убеждению, Россия находилась на пороге возрождения, в государственных службах остро требовались люди принципиально иные, чем те, что довели страну до ее плачевного состояния: активные, молодые, дееспособные. А он всегда стремился находиться в гуще событий, считая это своим первейшим долгом.

Конечно, за прошедшие годы у Сергея случались разочарования, и сомнения порой тоже возникали. Однако двойная жизнь агента очень быстро затянула его, другой он к моменту встречи со своей второй женой уже давно не мыслил. Кожевников полюбил свои командировки, в огромном значе-

нии результатов которых никогда не сомневался, и полагал, что именно благодаря им гораздо лучше знал теперь свою страну, чем прежде.

В Электродольск, расположенный в двенадцати часах езды от столицы, просторно раскинувшийся на берегах петлявшей по городу Клязьмы, Сергей Павлович прибыл ранним июльским утром, обещавшим, как повелось тем летом, очередной жаркий и душный день. Здесь редкая для средней полосы России жара осложнялась еще и недопустимой, однако имевшей место задымленностью города, виновато в которой было не только большое количество заводов, в том числе военных, но и отсутствие соответствующих очистных сооружений, о наличии которых в советские времена не слишком заботились. Теперь же, как обычно, на них не хватало средств.

Впрочем, заводы, тем более военные, его не интересовали: «материальной базой» командировки, пресловутым куском сыра, который был уже практически уложен в мышеловку, рассчитанную на здешнего главу администрации, были три весьма успешных частных предприятия. Как обычно, к своим поездкам Сергей Павлович Кожевников готовился долго и тщательно, по возможности стараясь предусмотреть любые возможные накладки. Он не только внимательно изучал все поступившие от граждан города жалобы на очередного проштрафившегося и зарвавшегося чиновника, не просто собирал всю возможную информацию о его частной жизни и общественной деятельности, а также об окружении, ко-

нечно же и о самом городе тоже, – но и всегда, прежде чем отправиться в дорогу, еще в Москве пару раз встречался с местным агентом, который в конечном итоге и выводил его на подозреваемого во взятках.

Электродольск произвел на Сергея Павловича именно то впечатление, какое он ожидал: на своем веку Кожевников успел повидать десятки таких почти миллионных, однако не утративших своей провинциальной специфики городов. Именно эта специфика, по его наблюдениям, и являлась хорошо удобренной почвой для взяточничества: несмотря на солидное для России число жителей, круг тех, кто испокон веку «делал погоду» в подобных городах, был узок, чтоб не сказать – тесен. По преимуществу – здешняя политическая элита, благополучно перекочевавшая из советской эпохи в постперестроечную. Все друг друга знали, все находились друг с другом в давно устоявшихся отношениях и, соответственно, «рука руку мыла»... Что ж, как говорится, сколько ни виться веревочке, а конец все равно будет.

До гостиницы Сергей Павлович добрался на такси, почти не глядя по сторонам: индустриальные пейзажи, вполне ожидаемые, как обычно, сменились приземистым «сталинским» центром с неизбежной улицей Ленина, которую позабыли вовремя переименовать, а теперь просто махнули рукой. С сизыми, как и большинство московских, троллейбусами и едва дышащими на ладан автобусами львовского производства, катавшимися когда-то по всему Союзу и давно уже по-

забытыми в столичных городах. И конечно, лучшая в городе гостиница, без излишних затей названная именем самого города.

Уже в номере – действительно хорошо, уют которого напоминал всем людям среднего возраста о лучших годах детства, Сергей, сделав один-единственный деловой звонок своему здешнему коллеге, приехавшему к нему в Москву, заказав завтрак по местному телефону, еще раз просмотрел бумаги, связанные с делом, прокрутил мысленно ту информацию, которая отражению в документах не подлежала, а хранилась исключительно в его голове...

«Легенда» Кожевникова была всегда одной и той же: успешный столичный бизнесмен, решивший не просто расширить свой бизнес за счет освоенного профессионального пространства, но и попытаться переориентировать его, присовокупив к уже имеющейся фирме предприятие, успешно работающее на ином рынке. Желательно – занятое обработкой сырья. Начать решил с провинции, где, как это понятно, подобная затея хоть и влетит в копеечку, однако не в столь увесистую, как в Москве... Естественно, относительно успешности предприятия, его доходности, ситуации с налогами предприниматель желает знать заранее, причем наверняка. Следовательно, ему необходимы сведения, разглашению не подлежащие, за которые он готов платить... Разумеется, в пределах разумного. А если пределы превысятся, что ж, в таком случае у него должен быть выбор между па-

рой-тройкой предприятий различного направления.

Такого рода сведения можно получить, ясное дело, только через чиновника очень высокого ранга, которому их беззвучно предоставит как само руководство фирмы, так и местные налоговики. Именно таким чиновником и являлся глава электродольской администрации Иван Ильич Поярков, об аппетитах которого по части взяток ходили легенды.

На протяжении последних двадцати лет Иван Ильич трудился исключительно в местных властных структурах. Наиболее же заметный взлет в его карьере обозначился в последние пять лет. По сведениям Сергея, Поярков, кроме всего прочего, собирался при ближайшей возможности баллотироваться в депутаты Государственной думы: очевидно, провинциальная жизнь его больше не устраивала, тем более что старший сын Ивана Ильича уже второй год учился в столичном вузе, очевидно, и младшая дочка, любимица отца, только что закончившая здешнюю гимназию, поступать в институт собиралась тоже в Москве.

Если в качестве чиновника Поярков был, по всеобщему мнению, человеком властным, самоуверенным и бесчестным, в семейной жизни он проявлял качества диаметрально противоположные: верный муж и любящий отец... В семье Поярковых, насколько знал Сергей Павлович, царила редкая по нашим временам гармония. Даже дети, находившиеся в том самом возрасте, который во всем мире признан самым проблемным для родителей, судя по всему, приносили отцу

с матерью сплошную радость. И учились оба на «отлично», и в пресловутых тусовках «золотой молодежи» в качестве участников замечены ни разу не были, и между собой жили дружно, и послушанием завидным, особенно по отношению к Ивану Ильичу, во всяком случае на людях, отличались.

Впрочем, эта сторона Кожевникова интересовала как раз менее всего – разве что в тех пределах, в каких могла помочь ему выработать наиболее точную линию поведения с самим Поярковым.

Местный коллега Сергея довольно долго искал подход к Ивану Ильичу, во всяком случае, цепочка, по которой сведения о вполне надежном «московском бизнесмене» дошли, наконец, в должном виде до ушей чиновника, на этот раз оказалась несколько длиннее обычного. Разумеется, и сведения о Кожевникове непосредственно в Москве Поярков тоже проверял, о чем в ФСБ было хорошо известно. И лишь решив, что со столичным предпринимателем «все в порядке», Поярков согласился встретиться с ним на своей территории, заранее назвав сумму, в которую тому обойдутся необходимые сведения: пятьдесят тысяч долларов...

Сумма для провинциального чиновника была крупная и Сергей для вида поторговался. В конце концов сошлись на том, что отдавать ее он будет частями: вначале двадцать «косяк» за половину нужных ему документов. Если документы окажутся действительно полезными, оставшиеся тридцать тысяч Поярков получит за вторую половину – за сведения,

предоставленные налоговиками...

Как и было задумано изначально, электродольская операция прошла без сучка без задоринки: Ивана Ильича Пояркова взяли в местном ресторане во время обеда с «московским бизнесменом», в момент, когда тот вручал Кожевникову налоговые декларации и отчеты о движении денежных средств по всем трем интересующим клиента предприятиям, успев получить оговоренный остаток суммы. «Аванс», переданный ему тремя днями ранее, нашли во время обыска в квартире Поярковых, на котором Сергей, разумеется, не присутствовал.

Обвинение Ивану Ильичу, соответственно, было предъявлено по двум статьям УК: 183, часть третья – «Незаконное разглашение сведений, составляющих налоговую тайну, из корыстных побуждений». И по 290-й в ее четвертой части – «Взятка в особо крупных размерах»... Суд проходил в закрытом режиме и, как обычно в таких случаях, Сергей Павлович Кожевников, дав свои показания на первом же заседании, ради которого ему пришлось еще раз, уже в августе, побывать в Электродольске, окончательно покинул город на Клязьме, завершив таким образом свою очередную операцию.

Полковник Анисимов закончил свой не слишком пространственный рассказ, и в кабинете Александра Борисовича на некоторое время установилась напряженная тишина. Все присутствующие обдумывали услышанное, и даже лицо По-

меранцева, не склонного к пессимизму, выглядело хмурым. Первым подал голос Вячеслав Иванович Грязнов:

– Скажите, Михаил Иванович, сами-то вы как думаете – могла, скажем, супруга Пояркова или кто-то из его очень близких друзей попытаться отыскать «бизнесмена», подставившего ее мужа, и расплатиться с ним... Точнее, отомстить?..

– Да бросьте вы! – Анисимов раздраженно пожал плечами. – Во-первых, я абсолютно уверен, что профессиональная деятельность Кожевникова никакого отношения к его гибели не имеет! Господа, на дворе, если вы обратили внимание, давно уже не девятнадцатый век! Во-вторых, согласен: отравление вполне справедливо считается «женским» способом убийства. Соответственно, как говорится, «шерше ля фам»... И среди гостей эта самая «ля фам», насколько мне известно, имеется, а если добавить к ней лесбиянку и лгунью Голдину или ее подружку и помощницу...

– Все-таки вы уходите от ответа на мой вполне конкретный вопрос, – прервал полковника Грязнов.

– Ничуть! Супруге Пояркова сильно за сорок, среди гостей выставки ее единственная ровесница – все та же барменша. Да и где это вы видели среди избалованных чиновничьих жен-бездельниц хотя бы одну дееспособную? Чушь это все!

– Допустим, – вмешался молчавший Турецкий. – Тем не менее проверять и эту версию мы тоже будем, хотите вы это-

го, Михаил Иванович, или нет. И поэтому желательно знать, есть ли в вашем распоряжении фотоснимки хотя бы членов пострадавших семей?

– «Пострадавших»? – Анисимов сердито глянул на Александра Борисовича, но далее комментировать не стал. – Разумеется, нет. Зачем? К тому же все документы по завершенным операциям уничтожаются, даже если бы они и были...

– Понятно... Что с остальными командировками? Методическую часть можете опустить. Мы уже поняли, как именно это происходит: несколько недель, иногда и месяцев подготовки, в процессе которой собиралась вся возможная информация о подозреваемом и определялись люди, способные не только выйти на «клиента», но и сделать ему «нехорошее» предложение. Затем, видимо, в большинстве случаев, определенный период, во время которого подозреваемый проверяет по своим каналам будущего взяточдателя, собирая сведения о нем и о его фирме. Наконец, сама операция на месте... Все верно?

Анисимов неохотно кивнул:

– В целом – да. Разумеется, какие-то вариации неизбежны в зависимости от местной специфики.

– Интересно, – пробормотал Валерий Померанцев, – если на самом деле фирма принадлежала не Кожевникову, а вашей организации... Сам-то покойный что, получал процент к зарплате с каждой операции, в зависимости от суммы взятки?

– Валерий! – Турецкий не дал ответить вспыхнувшему до ушей Михаилу Ивановичу. – Прекрати немедленно! Тебе что, эта информация остро необходима для расследования? Извините, товарищ полковник... Так что там насчет остальных командировок? Нас в первую очередь интересуют, как вы понимаете, члены семей, ближайшие друзья, вообще окружение. Конечно, если такая информация у вас имеется.

На то, что и Грязнов, и Яковлев по поводу выпада Померанцева дружно ухмыльнулись, не слишком стараясь скрыть свои улыбочки, Александр Борисович внимания подчеркнуто не обратил. Анисимов, в свою очередь, тоже проявил чувство собственного достоинства, однако с этого момента разговаривал исключительно с Турецким, словно остальных мужчин в кабинете и вовсе не было.

– Как вы, вероятно, уже поняли, – произнес полковник, – эти сведения у нас самые минимальные: документы по всем трем операциям уничтожены, то, что я вам рассказываю сейчас, в весьма скудном виде имеется в рабочем компьютере Кожевникова... Если говорить об Электродольске, могу сказать, почему еще лично я его вообще исключаю: адвокат Пояркова прямо на суде заявил, что его подзащитного подставил из зависти вполне конкретный человек, и назвал фамилию заместителя этого типа, некоего Сухорукова. Как видите, о Сергее Павловиче и речь не шла.

– Хорошо, – устало произнес Турецкий. – Я вам верю. Да-

вайте перейдем к оставшимся командировкам.

– Интересующая вас информация по Ульяновску – это весьма интересная операция – вообще минимальна: ее субъект – некто Зимушкин Александр Кириллович, довольно молод... Заместитель мэра, кажется, по жилищному строительству...

– Кажется? – удивился Грязнов.

– Сведений о семейном положении, – «не заметил» его реплики полковник, – немного: жена есть, детей нет. Срок получил с конфискацией имущества, статьи, как вы понимаете, те же, что и в предыдущем случае. Последняя командировка – Саргов.

Анисимов ненадолго задумался и слегка пожал плечами:

– Там, как ни странно, тоже помощник мэра по строительству жилых зданий... Поскольку город расположен близко к Москве, всего-то шесть часов езды, и земельные участки, и квартиры куда дороже, чем в Ульяновске. Обвиняемого зовут Елагин Василий Григорьевич. Женат, есть двухлетняя дочка, об остальных родственниках и тем более друзьях сведения отсутствуют. Можно добавить еще, что из троих взяточников он самый молодой, ему двадцать девять лет.

Полковник умолк и с безразличным видом уставился в окно, демонстрируя тем самым и то, что сказать ему больше нечего, и в принципе свое отношение к происходящему.

– Что ж, – Турецкий внимательно посмотрел на Анисимова поверх очков, – спасибо, что вопреки собственному мнению пошли нам навстречу...

– Следует ли это понимать в том смысле, – сухо поинтересовался Михаил Иванович, – что в данный момент я вам больше не нужен и могу вернуться к своим текущим рабочим обязанностям? Тем более что от наших оперативников вы отказались?..

– Если вы спешите...

– Я действительно спешу, – чуть мягче кивнул полковник. – Да и вряд ли могу быть сегодня еще чем-нибудь полезен... Если понадобится, вы знаете, как со мной связаться. В любой момент пожалуйста!

Спустя несколько минут Михаил Иванович, на ходу отзвонив кому-то весьма кратко и пообещав появиться буквально через полчаса, действительно покинул кабинет Турецкого в заметной спешке.

Слава Грязнов, покрутив головой, крикнул, поднимаясь со стула, и с видимым удовольствием перебрался в свое любимое кресло у окна.

– Утомительный мужик! – подвел он черту под своим мнением об Анисимове. – Как думаешь, Сань, почему это он насчет Электродольска разглагольствовал так подробно, а насчет остальных командировок – в двух словах?

– Очевидно, – вмешался Валерий Померанцев, – Электродольск ему показался самым ярким примером того, что заниматься подобной версией могут только законченные м...ки типа нас!

Турецкий усмехнулся и кивнул:

– Ответ принимается... Ладно, главное – теперь ясно, с чего начать разрабатывать эту версию... Володя, – он повернулся к Яковлеву, – тебе, конечно, понятно, что впереди у тебя замечательно интересные командировки по заранее заданным маршрутам?

– Куда ж я денусь-то? – Яковлев добродушно улыбнулся.

– Во-во... Кстати, надеюсь, ты нашего коллегу и его повествования тоже записал?

– Конечно, Сан Борисыч, – Володя улыбнулся еще шире. – Правда, чтоб не смущать полковника, на одну кассету с Голдиной – вместились впритык... Я его потом перепишу на отдельную, а эту сотру.

– Хитер бобер! – развеселился Померанцев. – А я был уверен, что после Голдиной ты запись не включал. Когда успело? Вроде и вообще не шевелился!

– Уметь надо! – хвастливо сообщил оперативник.

– Разминка закончена, – прервал их диалог Турецкий. – Давайте кончать заседание. Если кто-нибудь заметил, рабочий день движется к завершению, а у нас с вами по данной версии план пока что висит в воздухе. Так, Володя, значит, в первую очередь отправишься в Саргов. По-моему, туда можно добраться даже на электричке, он к нам ближе всего. С их Генпрокуратурой я сам созвонюсь, завтра с утра. С горуправлением, думаю, ты, Слава. – Он подмигнул Грязнову. – Соответственно, все координаты к обеду у тебя будут и – флаг тебе в руки, вперед!

– Сан Борисыч, – кивнул Яковлев, – это все ясно. Но если вытянем пустышку, я вот о чем хотел сказать. Наверное, есть смысл выписывать командировку не одну, а сразу в три пункта... Если вы помните карту, от этого Саргова ближе всего Ульяновск, а от него, уже в сторону Москвы, – Электродольск. Я прав?

– Наверняка, – хохотнул Турецкий. – Видишь ли, у меня по географии в школе была тройка с натяжкой, и то исключительно за счет моего личного обаяния!.. Слава, как думаешь, может, правда сделать, как он предлагает, насчет командировок?

– Думаю, это разумнее всего, – кивнул Вячеслав Иванович. И повернулся к своему подчиненному: – Значит, прежде всего, чтобы время и деньги зря не тратить, раздобываешь снимки членов семьи обвиняемых и – сюда по электронной почте...

– Это и так понятно, Вячеслав Иванович. – Володя посмотрел на шефа чуть ли не с обидой. – Сведения обо всех все равно собирать придется. Мало ли, вдруг у кого-то любовница мстительная или друг, которому он дороже мамы с папой?

– Молодцы! – похвалил Александр Борисович чуть насмешливо. – всю работу за меня сделали, мне самому и добавить нечего... Ладно, теперь давайте по первой версии... Слава, где, кстати, Галя Романова?

– Я знаю где, – вмешался Померанцев. – Вы ж ее в про-

шлый раз ко мне прикомандировали? Вот я ее и отправил сегодня утром за билетами в театрик, где Крутицкая играет, затем наказал привести себя в соответствующий вид, а вечером – на спектакль, в котором эта дамочка занята... С букетом цветов, в роли журналистки и восторженной поклонницы необыкновенного таланта Альбины Викторовны...

– Смотри, – ухмыльнулся Грязнов, – чтобы та мою Галку не заподозрила в дурных наклонностях вроде этой козы Голдиной!

– Кто сказал, что эти наклонности дурные? – не преминул поддразнить Вячеслава Ивановича Померанцев.

– Ортодокс сказал! – не счел нужным обидеться Грязнов. – Да! И очень этим, между прочим, горжусь!

– Да уж, есть чем... – непритворно вздохнул Турецкий. – Скоро быть ортодоксом, если и дальше так дело пойдет, станет считаться верхом оригинальности... Так что вы с Анисимовым начнете вызывать в людях восхищение!

– Анисимов мне не компания! – тут же поморщился Вячеслав Иванович. Но Турецкий на этот раз со своим старым другом не согласился.

– Зря вы так, ребята, – покачал он головой. – Я с Михаилом не первый раз сталкиваюсь и могу вас заверить – мужик он совсем неплохой и профессионал что надо!

– Что же ты тогда от его оперов-то отказался? – ревниво поинтересовался Грязнов-старший, которого так называли довольно часто, дабы отличить от имевшегося в нали-

чии Грязнова-младшего, племянника Славы, возглавляющего известный в столице ЧОП «Глория».

– Ты знаешь почему. Повторять комплименты твоим сотрудникам, да еще в присутствии одного из них, не стану... Насколько знаю, ты и сам, Слав, предпочитаешь иметь дело с людьми, за которых в состоянии поручиться. Кстати, о таких людях – на всякий случай: как дела в «Глории» у твоего Дениса?

– Как всегда, с переменным успехом, если иметь в виду число клиентов... Ты ж не собираешься привлекать его ребят к этому... э-э-э... совместному делу?..

– Совместными, если ты не в курсе, бывают предприятия, а не дела, – проворчал Александр Борисович. – А там – кто знает? Вдруг да Анисимов прав и наша единственная реальная версия – Крутицкая и иже с ней?

– Вот получим все комплекты снимков, предъявим остальным гостям и этой Голдиной, тогда и выясним, – справедливо заметил Вячеслав Иванович. – А теперь, ребята, давайте действительно по коням, мне еще на работу надо взглянуть.

– А мне к Меркулову, – вздохнул Турецкий, подымаясь из-за своего стола и собирая разбросанные по нему бумаги в более-менее аккуратную пачку.

Константин Дмитриевич Меркулов, непосредственный начальник Саши и давний друг как его, так и Славы Грязнова, действительно ждал Турецкого в своем кабинете – в на-

дежде что уже сейчас, на самом первом этапе расследования, тому будет что сказать... Увы, пока оправдать его надежды Александр Борисович не мог и заранее злился на шефа за то, что тот, видимо, считает его кем-то вроде профессионального волшебника.

Интервью со звездой

– Обычно меня интервьюируют мужчины. – Альбина Крутицкая кокетливо улыбнулась и посмотрела на Галю Романову с явной симпатией. – Они – основные поклонники моего таланта... Так что вы меня, можно сказать, приятно удивили!

Ресторанчик, в который Галя пригласила бывшую супругу Кожевникова, представившись ей журналисткой и поклонницей таланта актрисы, был небольшой, уютный и, поскольку открылся он не так давно, не столь дорогой, как остальные, известные капитану Романовой.

Альбина Викторовна оказалась особой легковерной, а вранье из ее пухлого ротика, как отметила Галочка почти сразу, вылетало легко и непринужденно, словно пушинки одуванчика. Едва глянув на журналистское удостоверение Романовой, которое ей для подобных случаев в свое время состряпал Грязнов-младший, она тут же заявила, что прекрасно знает журнал, указанный в «документе», хотя такого издания на свете и вовсе не существовало.

Что касается самого интервью, упомянув, что обычно берут у нее его мужчины, Альбина вновь солгала: Галя ни секунды не сомневалась, посмотрев спектакль, что вряд ли хоть кто-то заинтересовался когда-нибудь талантом Крутицкой. Собственно говоря, таланта, на взгляд Романовой, и во-

все не было, если не считать за него умение в деталях продемонстрировать со сцены все особенности своей фигуры вперемешку с ложным пафосом, режущим слух... Актриса Крутицкая произвела даже на Галю, никогда не увлекавшуюся театром, весьма жалкое впечатление...

– Ну что ж... – Альбина с подчеркнuto усталым видом откинулась на спинку стула. – Пока нам принесут заказ, давайте ваши вопросы.

Капитану Романовой не в первый раз приходилось выступать в роли журналистки, идеально соответствующей ее настоящей цели в подобных ситуациях. Кивнув Крутицкой, она извлекла из сумочки диктофон и, поставив его на столик между ними, почти сразу нажала кнопку записи.

– Вы, конечно, в курсе, что наш журнал старается в первую очередь рассказывать о звездах театра, эстрады и телевидения как о лицах частных, с теми же проблемами и бедами, что и у читателей?..

– Конечно-конечно! – Альбина Викторовна откровенно просияла, обнаружив себя причисленной к звездной когорте, очевидно, такое понятие, как «грубая лесть», для актрисы не существовало. Впрочем, Романова в этом и не сомневалась.

– Понимаете, – продолжила Галя, – читателям приятно осознавать, что в чем-то наши звезды – такие же люди, как они, что и у них в жизни случаются трагические ситуации... Кстати, я слышала, что у вас буквально на днях именно такая ситуация и сложилась, верно?

– Что вы имеете в виду? – Кукольное личико актрисы на мгновение застыло, словно с него смахнули разом все эмоции.

– Мне сказали, что буквально на ваших глазах погиб ваш то ли супруг, то ли просто любимый мужчина. Неужели солгали?!

Альбина Викторовна слегка нахмурила аккуратные выщипанные брови и бросила на Галю недовольный взгляд:

– Ну... Не то чтобы солгали... – Она немного поколебалась, но все-таки продолжила: – Вообще-то муж, но бывший... Хотя весьма настойчиво стремился в последнее время ко мне вернуться... Даже не знаю, как бы я в итоге поступила... Скорее всего, сдалась бы и приняла его обратно!

Альбина отвела в сторону взгляд голубых глаз с густо накрашенными ресницами и слегка покраснела. «Врет, – отметила Романова. – Врет, но по крайней мере краснеет...»

Следующую порцию откровений актрисы она слушала особенно внимательно. В интерпретации Крутицкой ее визит на открытие выставки выглядел весьма интересно для следствия. Альбина Викторовна утверждала, что пригласил ее туда на самом деле вовсе не Георгий Карякин, а сам Кожевников. «Жорку мне еще пришлось уговаривать, чтобы взял меня с собой вместо какой-то своей девицы!» – заявила она. Сергей же ее «буквально умолял», объясняя это тем, что ему срочно нужно ей что-то сказать.

– Тогда совершенно непонятно, – заметила Галочка, – для

чего он привел с собой свою нынешнюю жену, от которой, по вашим словам, собирался уйти к вам? Или почему не встретился с вами в другое время и в другом месте?

– Ах, вы плохо меня слушаете! – капризно поморщилась Крутицкая. – Сказать нечто ему требовалось очень срочно, понимаете? А на следующий день он собирался куда-то уезжать по делам своего бизнеса!.. Ну а что касается этой бабы – она за ним сама увязалась, по словам Сережи, она его буквально преследовала своей ревностью: видели бы вы, как она на меня смотрела! Но... Послушайте, какое это все теперь имеет значение – тем более для интервью?.. Кроме того, мне тяжело об этом говорить... К тому же эти ужасные люди, я имею в виду, разумеется, ментов... Разве им доступно понимание сочувствия женщине в подобной ситуации, в конце концов, элементарная тактичность?! Они посмели прислать мне повестку, вызывают куда-то в прокуратуру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.